

Р1

П-411

ПРЕДАНИЯ

И

СКАЗЫ

✓ Западной Сибири

НОВОСИБИРСК

1954

95 2011

P1
7-11

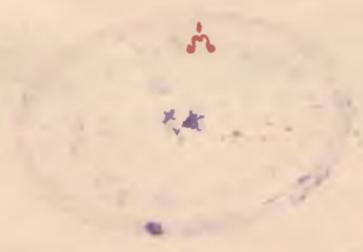

ПРЕДАНИЯ И СКАЗЫ

Западной Сибири

Записи и комментарии

А.А.МИСЮРЁВА

4/3

новосибирское
книжное
издательство

1954

95501

ПРЕДАНИЯ
И СКАЗЫ
ЯМЩИКОВ
СИБИРСКОГО ТРАКТА

-❖❖❖-

От начала XVIII до конца XIX столетия, т. е. до тех лет, когда была построена железная дорога, единственным средством сухопутного сообщения Европейской России с Сибирью являлся большой Сибирский (Московско-Иркутский) тракт. По этому пути за 200 лет прошли сотни тысяч русских засельщиков новых земель на Востоке, зачастую ссыльных, а также «добровольных» переселенцев, гонимых безземельем, возраставшей нищетой крестьянских масс и разного рода притеснениями царской власти. Этими пришельцами основаны деревни, протянувшиеся длинной цепью вдоль тракта. На притрактовых крестьян возлагались обязанности ямской гоньбы, т. е. перевозки почты и пассажиров, дорожный ремонт.

Они занимались также обозным извозом — доставкой товарных грузов.

Труд ямщиков-возчиков требовал большой выносливости и физической силы. Подвергаясь многим невзгодам, лишениям, днём и ночью под открытым небом, везли они тяжёлый груз и людей по узкой, ухабистой дороге, занесённой снежными сугробами или размытой дождями. Память жителей тракта старших поколений и в наше время сохраняет предания о ямщицком труде и быте. Когда в притрактовом селе собираются вместе несколько пожилых людей, нередко темой их беседы служат воспоминания о «сильнушших», «удаляшших» людях (употребляется и литературно правильное выражение: сильные люди, силачи).

В преданиях присутствует гиперболизация, значителен налёт легендарности. Человек сильнее коня, двух коней, пяти коней и может передвигаться быстрее, чем они,— такие мотивы распространены широко. Мечта о преодолении пространств, о победе над силами природы, та же мечта трудовых масс прошлого, какую мы знаем в известных сказках о ковре-самолёте и сапогах-скороходах, нашла своеобразное выражение и в сибирских ямщицких легендах. Не слу-

чайно эти мотивы, особенно часто звучат в районах Барабинской степи, где болотистая почва затрудняла перевозки. Вместе с тем сказы, ставшие преданиями, прославляли тех возчиков, какие превосходили других своей трудовой сноровкой и смекалкой.

ЦАРЮ НЕ ПОКОРИЛСЯ

Наши отцы на бичике жили. Сперва тракт проходил из Чебулы на Чёрную. Лишку давали, езда плоха, захотели распрямить. И сделали Болотную; тут остановка обозов, и поселилась ямщина.

Мой деданька сказывал: тогда был Бараксанов. Он был шутной, всё шутил. Заедет обоз с рыбой, а он эти возы поставит на хлевок, засунет на хлевок. — Сымайте, — говорит, — с хлевка возы-те. Ордой сберутся — снять не могут.

И были пошевни крытые, шли из Колывани с калачами, — там лучший хлеб родился, колыванские калачами торговали.

В Болотной — лошадей менять; кто дале повезёт, до другого станка, тому давали калач. И Бараксанов коней распрягает, сам запрягся в передни пошевни, а другие взял на верёвку, и везёт и скоро бежит. «Да разве я буду запрягать! Силы-то поболее у меня, чем у коней».

На прокоп ходили. Там была бабка чугунная, сорок пять пудов весом — землю бить. Он осердился, утащил её, бросил в тину. Всея ордой идут тащить из тины. Нет, не подаётся. Он глядел, глядел, говорит:

— Посторонись, ребята.

Возьмёт её за ухо, один вынет.

Родитель говаривал: про него слух шёл, про его силу, и дошёл до царя, и царь захотел его взять к себе. А он покориться не хотел царю, и скрылся. И была ему кончина, боле не показался.

На бичике жили — распространённое среди жителей тракта метафорическое выражение, означающее: бичом добывали себе средства к жизни, т. е. ямским промыслом.

Чебула — старинное село около существующей ныне станции железной дороги с тем же названием, в Болотнинском районе, Новосибирской области.

Чёрная — деревня в том же районе. Болотная основана на тракте в 1804 году, ныне город, районный центр — Болотное.

Пошевни — большие сани.

К о л ы в а н ь — крупный в прошлом торговый пункт на тракте, в XIX веке — город, теперь село, районный центр, на левом берегу Оби, ниже Новосибирска.

П р о к о п — то что прокопано, земляные работы, в данном случае по устройству и ремонту тракта.

СИЛЬНЕЕ КОНЕЙ

Ефим Стрелков был, была у него сила.

Ехал он с дѣгтем. А у нас солонцы есть, там и ехал. Телега ушла в ил. Два коня было. Он их хоть бы прутиком шевельнул — так нет: сапоги снял, гачи заскал, в ил полез, коней отпряг. Сам запрягся, телегу на гриву и выпер. А там один сеял на гриве. И говорит ему:

— Ефим, а Ефим! Конишек пожалел?

— Где уж им, батюшкам! Это мне под силу, а им не под силу.

Возкѣ бегали, чай шли. Один год кормов нету-ка. Ефим Стрелков ребятам и говорит:

— Езжайте-ка вперѣд, а я помаленьку поеду: кони слабы.

Только они скрылись, пять коней выпряг, за возок привязал, сам запрягся. Другой дорогой бежит, везѣт.

Дело к вечеру. Они в ночь к Бабкину заезжают — Бабкин был дворник. А он уж там, на этом дворе.

— Дядя Ефим! Ты это как?!

— Да так, помаленьку.

Г а ч и з а с к а л — подвернул штанины до колен.

Словами «Возки бегали, чай шли» рассказчики передают движение по тракту подвод, нагруженных китайским чаем, являвшимся одним из наиболее важных видов сибирского экспорта для Европейской России.

В о з к и — весьма прочные сани, с оглоблями большой толщины, вмещавшие от 50 до 80 пудов поклажи, употреблялись на Московско-Иркутском тракте для перевозок зимою ценных товаров — золота, пушнины, чая. В каждый возок запрягались гуськом — «цугом» несколько лошадей.

Дворниками называли содержателей постоянных дворов.

ТОЛЬКО ПАЛЬЦЕМ ШЕВЕЛЬНУЛ

Колмаковские и мироновские захватывали возкѣ. Кто захватит, тот и повезѣт. С нашими драчку учинили. Ефим Стрелков и говорит:

— Ну, молодчики, чем драться — я вот заправлю супонь в конишку. Кто растянет — тот повезёт.

Дуга была корневая, не гнутая. Убавил гужей, супонь затынул.

Из Киселёвой ни один молодец не мог растянуть. Колмаковские не могли, мироновские не могли. Двенадцать человек тянули, не сладили.

А он пальцем шевельнул — без бирки — разом развязал. Ему и везти.

С той поры, как заспорят — супонь заправлять. Кто на морозе растянет, без бирки, да скоро — тому, значит, и везти.

Захватывать возки — на каждом «стапке», т. е. станции происходила смена перекладных лошадей обозов с товарами. К тому времени, когда подъезжал обоз, крестьяне ближайших деревень собирались на этой остановке, спеша запрячь своих лошадей взамен выпрягаемых и сопровождать возки до следующей станции. Обычны были своего рода состязания на «захват возков»; отставшие и опоздавшие теряли заработок.

Киселёва — деревня вблизи Каниска, теперь города Куйбышева, Новосибирской области.

Колмаковские и мироновские — жители других деревень по тракту.

Супонь — ремень, которым стягивается клешни хомута.

Бирка — деревянная палочка, с помощью которой растягивали и затыгивали тугие узлы упряжи; кроме того, на бирке отмечали зарубками количество вёрст для подсчёта заработка; ямщики носили бирку за поясом.

ШИБКО УДАЛЫЙ

Патрушев был могучей, шибко удалый. Моему отцу звался братаном — на рыбалке побратались. Не родня, а всё братан да братан.

Поехали на мельницу Кораблёвскую во время весны. На Оми мельницы не работали — сносило их. А эта работала.

Мой дед везёт воз хлеба и братан его Патрушев воз везёт. Были курки деревянные, колёса не кованы. Весна, промолны везде, ручьи. Кони как дёрнули — у Патрушева курок сломился.

А мой дед впереди ехал. С полверсты проехал, оглянулся — дружка не видать. Дед пристяжную выпряг, на ней обратно припустил: беды не случилось ли?

А он, Патрушев, сидит, воз на коленко поставил и курок затёсывает.

Мой дед зачал дивиться. Он не видывал такую силу.

— Ты это как?! На земь воз-то не поставил?!

— А, имай его леший, ещё ставить! Не тяжёл!

Курок — штырь, на котором держится и ходит передняя часть повозки.

Имай его леший — возьми его леший.

ДУГА ВЯЗОВАЯ

У Патрушева дуга была вязовая, толстая, в две ладони шириной — вот какая.

Чай шли. Возки у нас на захват брали. Бегут встречать на вершнях, вёрст десять бегут. Кто первый добежит — тот и повезёт.

Дед сказывал: нырки набивали большие. Везут в Осинову — ямщиков человек пять, двенадцать коней гужом, на канатах девять коней. Возок и навалился.

В Киселёву за народом побежали, человек десять позвали помогать. Помогите, мол, на водку дадим. И Патрушев с дедом тут.

Сколь ни бились — не могут возок поставить.

— Эх, говорят, — нас мало!

А Патрушев поглядел, да и говорит:

— Имай его леший, дай-кось, я попробую.

Конишку выпряг, берёт свою дугу, зачал подставлять под возок. Кряхтит. Отдохнёт, да ставит. Грудью напёр, поднял его, возок-то. А их пятнадцать молодцов было — не могли!

Бегут на вершнях — едут верхами.

Нырки — ухабы.

Герой сказа употребил как рычаг дугу, сделанную из гибкого дерева — вяза, чтобы с помощью этой дуги и подведённого под возок бревна поднять упавший возок. Смекалка искусного работника.

ВЗЯЛ СВОЁ

Как отец мой служил у купца Ерофеева, задумал жениться, уйти от него задумал. Купец говорит: — Не пущу. Живи у меня весь век в работниках.

В кладовухе бочка стояла на сорок вёдер, в четыре перста толщиной, дубовая. Отец взял её за уторы, через голову перекинул. Силища! Ерофеев испугался и говорит:

— Это недурно, Алексей. Да куды ж ты пойдёшь? Иди в Мошнино, найди избёнку.

Отец сходил, присмотрел. Ерофеев спрашивает:

— Ну, Алексей, купил избёнку?

— За десять рублей покупаю.

— Деньги отдал?

— Денег, хозяин, нету-ка.

— Ну ларпа ты в живот (это он так ругался), на деньги! Подарок за твою силу.

И вынул и отдал: а то бы не заплатил ни шиша.

У т о р ы — выступы на дне бочки, нарезка в клёпках для вставки дна.

М о ш н и н о — предместье Каинска, теперь часть города Кулбышева.

СЛЕГА С ЛЮДЬМИ

Мой отец сказывал. Был у него хрёстный Баскаков. На Пасхе народ по качелям шёл, а возле качелей слеги (длинные брёвна) лежали из плотов, по двенадцать аршин слега. На слегу люди как воробышки насадут. А он за конец её возьмёт со всеми людьми и подымет — слегу-то с людьми! И несёт на плече, идёт по Каинску, песню поёт.

ТЕБЯ С ВОЗОМ УТАЩУ

Был в Коневой Прокопий Егорыч Конёв. Без вершка в нём сажень.

Ездил в Томск с чаями. Пришёл на постоянный, а там хлебники.

— Продай хлеба воз.

— Купи.

— Сколь тебе?

— Только-то.

Этот немалую цену запросил. Конёв осердился.

— Да я тебя с этим возом утащу, если столько ломить будешь!

Весь воз с санями поднял на дыбки, навалил себе на

спину и пошагал. Я уже не мерял, сколько там было, однако, пудов тридцать было.

Мужик бежит за ним, плачет. Ну, отдал, пошутил только.

Конева — деревня в Юргинском районе, Кемеровской области, близко от тракта.

Хлебники здесь в смысле: крестьяне, продающие хлеб.

ЗАЧИНАТЕЛИ ПРОМЫСЛОВ И РЕМЁСЕЛ

Преданиями отражены разные стороны жизни первых засельщиков. Гигантские леса ещё не были расчищены под пашню; все новые просеки в них приходилось делать для того, чтобы проложить дальше на восток колёсную дорогу, связавшую Сибирь с Европейской Россией более прочно и надёжно, чем водные пути, которыми пользовались на самых ранних этапах заселения в конце XVI и в XVII веках. Крестьянину-сибиряку нужен был хороший топор, а топоров, как и других железных изделий, не хватало. Отсюда та значительная роль, какую имел в этих условиях кузнец и другой мастер, знаток ремесла, улучшающий жизнь. Значение кузнечного, колёсного, шорного и других ремёсел возрастало в связи с усилением движения по тракту; первые мастера ценились, «были на славе». Память народа о своих умельцах запечатлена в устных повествованиях, переходивших от отца к сыну и внуку.

КУЗНЕЦЫ ДЕНИСОВЫ

Прадед мой из Черниговской губернии был сослан. Он в полку служил кузнецом, а там у них капитан шибко дрался, колотил солдат. Он и не снёс, этому капитану ухо отсек тесаком. При Екатерине второй это было.

Мы, Денисовы, по всей округе первые были кузнецы. Одни были кузнецы. Денисовы, больше нигде, никаких. Дед Василий Иванович топоры делал, ездил в Поломошное ковать, за полтораста вёрст: и там не было кузнеца. Теперь ещё в погребах ржавые топоры находят, а на них метка в виде кисточки. Это Василий Иванович, дед, свою метку ставил. Больше ста лет прошло, а его все помнят по деревням и мне сколько раз говорили:

— Нет, ты не так Василий Иванович. Тот с одного нагрёва два гвоздя делал.

У меня два гвоздя с одного нагрева ни за что не выйдут, а у деда — получалось. Он ковал лихо. Он сталь морянку брал, мешал с простым железом, делал ножи. Вот, глядите, ножик. Вот какие делал — ни за что не сломаются. Вековечный. А труда вдвое больше надо, чем из одной стали сделать.

Отец в Томск ездил топоры продавать. Мясники покупали в гостином ряду. Испытание делали: положат самую крепкую кость и этим топором: хрясь! Она и разлетится. Так все и знали: денисовский топор.

Пил не было. Дома строили топором без пилы, любую лесину рубили топором. Кузнец был на почёте. Как же без него прожить — топоры делает! Первую пилу из Томска привезли — было диво. Глядеть ходили, удивлялись. Это здесь, в Федосеевке. Федосеевские — они орехами торговали, шишки били, да в город ездили. Ребятишки шепелявили: «сыски побьём, бобровы сапки заведём, все позенимся».

Потом уже дедовы сыны, мои дяди, пошли жить один в Батурино, другой в Спас, там сделали кузницы. В Некрасовой ссыльный Гирёв стал ковать, делать путы для коней, чтобы не угнали, а в Петухово Дворянкин открыл кузницу. Это уже лет пятьдесят тому назад.

Без топора крестьянин здешний был как без рук. Топор поломаётся, куда бежать? К кузнецу, хоть за тридцать вёрст. Кузнечная работа была на славе.

Поломошное — старинное село около станции Тутальская, Томской железной дороги, Кемеровской области.

Федосеевка — село возле железнодорожной станции Богашово. Упоминаемые ниже сёла Батурино, Спас, Некрасово, Петухово расположены к западу от Томска.

ЛУЧАНОВСКИЕ СМОЛОКУРЫ

В Лучановой смолу гнать не умели. Пней хватало, только давай, выкорчёвывай, а они над каждым пнём возились, и толку нет.

Дорожка была, с трактом соединялась, бродяги всё по ней ходили: из царской тюрьмы человек убежит, идёт в Россию.

Один раз он идёт. Они кору раскладывают. Он посмотрел, говорит:

— Не так.

Пень расколол на мелкие лучины, обложил назьмом, дерном. Они к земле приваливали, а он трухой обсыпал и зажѣг. Всѣ огнѣм обнялось. Они испугались — пожар будет, всѣ сгорит. А он смеѣтся.

— Не трусьте, потушим.

И верно. Глядят — горит тихо. Сорок вѣдер смолы набежало, а до этого выходило у них четыре — пять, от силы шесть. Угостили его, он отоспался, пошѣл себе. А лучановские стали смолу гнать помногу и зажили неплохо. А какой человек их научил — не узнано.

Лучаново — село в Томском районе.

ПЕРВЫЙ СЕЯТЕЛЬ ПШЕНИЦЫ

Сеяли рожь, да ячмень, овѣс да горох. Пшеницы не знавали. Миколаевский солдат в ранце принѣс семян немножко, посеял, всем показал. Белы калачи, сладкие всем на диво. И стали сеять, хоть сперва и не родилась она у нас.

Был он солдат Коля. Без шапки хаживал зимой и летом, голова лыса, гола, одна кушечка волос торчала.

Хаживал по дворам.

— Хозяйка, а хозяйка! Нет ли поробить чего?

К Настасьюшке зашѣл. Она и говорит:

— До вот ворота поставить надо.

— А у ней муж хворый был, не работал, на печи лежал.

Был мороз, а он без шапки и руки голы, без рукавиц. Она хотела шапчонку дать, рукавицы. Он только махнул рукой. И через поле как сиганѣт — и след простыл. Только мигнули — он столб воротный на себе тащит. И опять сиганул, второй столб тащит. И матицу принѣс. Рта не рязинули — ворота поставил. Без рукавиц, не знавал их совсем, в одной лопотинке.

Вечерами-то, бывало, прядут у Федосеюшки. И бабы, и старики, и молоды ребята прядут. А я, девчонка была, светить прибегу. Они прядут, а я подсвечник держу с лучиной (берѣзу драли на лучину, от неѣ дыма нет, от сосны дым). И этот солдат Миколай, Коля, сидит, прядѣт.

Ребятишки его просят:

— Расскажи, дядя, расскажи!

И он сказывал:

— Будут пахать на машинах, с огнём детушка, с огнём. Обтянется белый свет струнами и будут по струнам говорить.

По его словам всё так и вышло. В колхозе полземли пшеницей засевают. Родится хорошо.

Матица — брус поперёк всей избы, на котором держится потолок.

Лопотинка — лопоть льняная крестьянская одежда.

ПРО БОГАЧЕЙ-ДУШЕГУБОВ

Сказы о злодействах местных купцов складывались во второй половине XIX столетия, когда из крестьянско-ямщицкой массы на тракте окончательно выделилась богатая эксплуататорская верхушка, а трудовое большинство оказалось у неё в кабале. Миллионеров Кухтериных, буржуазные журналисты услужливо называли «королями томских ямщиков», умалчивая о беспощадном обмане и грабеже бедноты, посредством которых нажили себе основной капитал эти известные владельцы конного извоза. Таков же был путь к богатству и других купцов, поднимавшихся за счёт разорения закабляемых ими жителей тракта. В томских и каинских сказах, ставших преданиями поколений, трудовой народ гневно осуждает своих заклятых врагов, хищников-толстосумов.

В ПРОРУБЬ ГОЛОВОЙ

Евграф Кухтерин как разбогател? Был ямщиком на тракте, лошадь имел. Возил горбунчиков. А горбунчики — это были приискатели, с приисков шли по домам, из тайги. Золотишко в кошельке, кошелёк на горбу.

Горбунчик ямщиков встретит и давай просить:

— Подвези, дяденька, до дому.

— А ты какой губернии?

— Томской.

— Женатый? Ребятишки есть, поди?

Кухтерин всё у него выпросит, всё узнает, и сколько тот раздобыл, сколько везёт домой. Посадит его и — в Томск.

— Ну прощай, дядя, спасибочко. Пойду в Калтай к своей бабе.

— Куда тебе торопиться? Переночуй у меня, а завтра увезу в самый Калтай. Выпьем малость.

— Спасибо, спасибо.

— Что я, не православный? Ты в обозе мою кладь помогал стеречь.

Напоит горбунчика, да головой в прорубь. А котомку с золотишком — зацапает себе.

Много он этих душ загубил. Оправдал поговорку: «непустишь душу в ад — не будешь богат». Стал строить дома, открыл торговлю, спичечную фабрику, а сыновья его — те вовсе зашиковали.

Калтай, Калтайское — село на тракте в 25 км к западу от Томска.

БОРОДА

Купец Болотов задолжал Кухтерину-сыну двадцать тысяч. Срок векселям подошёл, а не платит. Кухтерин к нему поехал.

— Надо платить.

— Да денег нет, Евграфыч, деньги в товаре.

— Коли так — давай я тебя побрею. И долг прощу.

Окно открыл, кричит:

— Эй, цирюльник!

— Чего изволите-с?

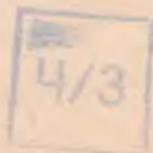
— Сними эту бороду иачисто.

А у Болотова борода была чёрная, окладистая — одно загляденье. Весь город его за бороду знал. Теперь — что ж? Бороды нет, знакомые не узнают, мальчишки кричат, дразнят: — за долг бороду отдал!

Все смеются да отворачиваются. Дела испортились, всё у него с молотка распродали, был слух: сошёл он с ума, так безумцем и помер.

КУХТЕРИНСКИЙ ВЫРОДОК

Алексей Кухтерин записался в дым, помер от вина. Иннокентий у них был. Тупица, учиться не захотел, начал дебоширить. Такой был человек — у! Бывало, еде

мимо городского. Ну, тот стоит себе, ему положено. Кешка Кухтерин вылезает из коляски и — хлоп его по лицу. Ни за что, ни про что, себя показать. Потом вынимает двадцать пять рублей, даёт этому городовому.

— Не жалуйся никому, помни щедрость.

Как пасха — выходил на фабрике па крыльцо и христосовался со всеми. Поцелуется — серебряный рубль даёт. С ним жена стояла. Подходит один паренёк, фабричник, так, незавидный. Кухтерин взглянул и спрашивает:

— Катя, дать ему?

Она думала насчет денег и говорит:

— Конечно, дай.

А он развернулся и парня — хлоп! Тот упал, потом поднялся и Кухтерина тоже — хлоп! Кухтерин с крыльца сверзился. Тут и пошёл разговор по Томску и по деревням: простой рабочий купчину осрамил. Вот хорошо!

А смерть этому дураку была от пьяной пули. Пил да пил, в 1911 году заспорил с офицером из-за пустяков, оскорбил его — свой гонор показывал. Тот ему и всадил пулю в живот, и на тот свет.

ЗВЕРЮГА МИТРОФАНОВ

Улица Лермонтова — она была Кондратьевская. Там Митрофанов три дома имел. Зверюга был страшный, на паре за Исток драться ездил. Как зачнёт драться — одному даст, другому даст — люди валяются мёртвые. Ему на грудь печать поставили, клеймо — на кулачный бой прав не имеет. Так он что делал? Кулаки чешутся, забежит в трактир, там крестьяне сидят. Давайте, говорит, поменяемся. Свою одежду сымает, даст крестьянину. В чужой одежде его не признают. И бежит драться, родного сына в горячах кулаком убил.

Он кулашник был, он был чаерез. По тракту обоз идёт, двадцать-тридцать подвод с чаями. Приказчики верхами едут по бокам. А он в кустах, и его кобыла там. Пропустит обоз мимо, выскочит, с последней подводы цыбик чая (ящик или тюк) сцапает, — а цыбик шесть пудов весил, да к своей кобыле, и на седло и домой. С грабежа три дома и поставил.

За источье — часть Томска, в отличие от других частей города была населена татарами. Между русским и татарским на-

селением из год в год происходили кулачные бои. Этот обычай, напомиавший о старой вражде и сеявший национальную рознь, не встречал противодействия со стороны купеческой Городской Думы и поощрялся царской администрацией.

• • •

На Магистратской два дома, где после революции сделали Вокзальный райком. Это были дома Бриллиантова. А что за Бриллиантов? Он по-настоящему был Стахеев, ямщик на тракте. Убил седока, бриллианты взял, разбогател, его и назвал народ Бриллиантовым.

Магистратская — теперь улица Розы Люксембург в Томске. Упоминаемый ниже Обруб — другая улица этого города, старое название набережной реки Ушайки.

• • •

На Обрубе Тихонов жил, купец, имел конфетную фабрику. Старики говорили: он на тракт с кистенём выходил, грабил, вот и завёл богатство. А другие говорили: деньгодела нанял. По тракту деньгоделы шлялись. Тот у него в бане жил, под видом сторожа, а деньги ему делал. Потом баня сгорела, этот человек как в воду канул. Тихонову делиться неохота, он баню ночью поджжёт, и тот сгорел, сонный, и концы в воду.

СУКОННАЯ ВЕРЕВКА

У моего тестя спарщик был Пискунов — они маховой пилой работали. В зимнее время работёнки перепало, ходили, дрова кололи. Вот он идёт по Благовещенскому переулку, а там магазин Королёва был, и контора его. Тут как раз подъезжает Королёв в санках и выходит, и выронил кошелёк. А Пискунов и подобрал. Глядит — полон денег. Пойду, думает, в магазин, в контору, отдам этот кошелёк, эти деньги. Зачем чужое брать. И думает: меня за это Королёв поблагодарит.

Приказчик на него:

— Куда прёшь?

— Да вот нашёл деньги, ваш хозяин обронил.

— Зайди к хозяину.

Этот Пискунов выкладывает на стол кошелёк, а сам отходит к двери. Стоит, ждёт. Королёв спиной к нему сидел. Королёв молчит, а этот стоит, ждёт.

Ждал, ждал, осмелился, кашлянул.

— Ну, ты чего?

— Да может, чего дадите на бедность...

Королёв зовёт приказчика.

— Иван!

— Чего прикажите?

— Отрежь ему три аршина суконной верёвки.

— Помилуйте, на что мне верёвка? У меня лошади нет.

— Нет и не будет. А верёвка тебе — в трудную минуту задавиться.

Взял Пискунов верёвку, домой принёс, детям показал. «Вот, говорит, чем богатый человек наградил за честность».

НА КОСТЯХ БОГАТЕЛ

Около моста у нас в Каинске жил Шкроев, капитальный купец.

Он сперва был не очень богатый, так себе. А как разбогател? Обманом. Взял на харчи сосланных по монетному делу.

— Давайте деньги делать. Выручку на всю братию.

Они сидят у него в бане, делают деньги, печатный станок поставил. Наделали много.

Был у него племянник. Он ему и говорит:

— Вся выручку с тобой пополам.

— А этих людей куда?

— Мы их сожжём!

Один раз баню затопили, Шкроев — дверь на замок, они сгорели все. Даже костей не осталось. Один только как-то не угодил, он на воле был, не в бане. — Ну, всё равно, думает, Шкроев житья мне не даст. Тот прыгнул в речку, убежал в деревню Михайловку. Там я от него это дело слышал.

Вот он разбогател, Шкроев-то, на костях разбогател. Стал богу молиться, грехи мучали. Через двенадцать лет приходит к нему этот беглец.

— Не признал?

— А ты кто такой?

— Гляди лучше!

Шкроев стоит за кассой, как зверь одним глазом глядит.

— А, вон кто ты! Иди в комнату.

Они там поговорили, я уж не знаю как, и стал со Шкроевым второй хозяин. Когда Шкроев помер — за 12 тысяч катафалк покупали. И когда этот помер — ему тоже за 12 тысяч.

ЗАГУБЛЕННАЯ ДЕВУШКА

По Савкиной гриве возок ехал. А возки были крытые. Переселенцы едут и тут же в возке варят и едят. И загорелся возок. Кони-то понесли. Парнишка обгорел, баба обгорела, и кончились. А девчонка на дорогу выпала.

Шкроев старик с палкой ходил. Забирает к себе эту девчонку, выходил, подучил, отдаёт замуж за приказчика. А сам хотел попользоваться. Она его как пнула, он и сел, чуть не помер. Он и обозлился. С той поры она и пропала. И куды девалась, никто не видывал. А слух был — он её живую велел в стенку заложить. У него в доме-то много западней было всяких. И будто слышали: стонет по ночам. Долго стонала, пока не кончилась.

Савкина грива — возвышенность около г. Куйбышева (Каинска).

Старшие поколения трудового народа помнят не только о злодействах городских богачей, но и о том, как губили народ кулаки в деревнях.

Сказов об этом очень много в сёлах по тракту и по сторонам от него. Таков, например, сказ из жизни деревни Тихоновка 1910—1914 годов (Венгеровский район, Новосибирской области).

БАТРАКОВ ТОПИЛИ

Я в малолетстве была не девка — огонь, прозвали молоньёй. Платье порвала, на колу повисла. Меня матушка ругала. Я и говорю:

— Да, у нас платьев мало, а у Воробьёвых вон сколь!

Матушка:

— И не поминай! Ихние рубахи надо в прорубь колом, а из проруби — конём. Рубцы сделаны — вошь не переползёт.

У нас были станушки льняные, а рукава ситцевые, розовые к ним пришивались. Богаты не бывали, а чисто жили.

Маманька по чужим полосам ходила, у богатых седёлку заробила. Говорила она про них.

На Бугале-озере воробьёвские работники терялись. Один раз маманька пахла там гусей, слышит крик, увидела: Воробьёв, богатый хозяин, работника бьёт. И сказал трескучим голосом:

— Я те не поеду!

Сам его бьёт. Привязал к телеге верёвкой, повёз в поле. С той поры этот работник потерялся. Около озера шапку нашли, в другой стороне рукав. Бабы по бруснику ходили, видели: лежат его опорки.

Матушка говаривала про это, Воробьёв узнал, не велел ей:

— Ты, Степановна, язык проглоти, а то и тебя в озеро головой.

С того дня нам рты завязывала: — Вы, дети, — молчок про это.

И будто на этом озере Бугале показался огненный уж. Воробьиха по бруснику ходила, ей и показался. Будто какая-то мать прокляла своего сына, его бог превратил в ужа огненного, он там и сидит в этом озере. Меньше стали туда ходить. Воробьёвым-то неохота, чтоб туда ходили.

Ещё есть у нас озеро Светленькое. А тятя говорил:

— Нет, оно тёмное, костей в нём много. Там Радугина заимка. Сысойка Радугин работников нанимал, а платить неохота. С год проживёт работник, он его рассчитывает, потом убьёт и — в озеро. А деньги себе обратно заберёт.

Этой Радугиной заимки все боялись.

Станушки — женские рубашки.

Седёлка — часть упряжи, кожаная подушка на спине коня. она служит для поддержки оглобель.

Рты завязывала — в смысле: не велела говорить.

Заимка — хутор в стороне от села.

МЩЕНИЕ БЕДНЯКОВ БОГАТЕЯМ

В Сибири не было помещиков, но подобно тому, как крестьяне Европейской России мстили жестоким землевладельцам-дворянам, сибирские крестьяне-батраки, попавшие в кабалу к кулакам и купцам, пытались давать отпор своим хозяевам. Единичные, разрозненные вспышки народного гнева, месть за беспощадную эксплуатацию, обман и душегубство, не могли привести к улучшению бесправного положения батраков и бедняков. Крестьянство и городская беднота, ещё не понимая необходимости массовой борьбы, ждали чудесного героя, избавителя от гнёта богатых; возможность одинокого бунтаря преувеличивались, народная мечта наделяла его необычайной силой и свободой свершений. Легенды о смелых мстителях можно и поныне услышать в разных населённых пунктах, от пожилых людей, работавших на кулаков и купцов.

ВОРОНУ КОНЕЦ

Были три казака, беглые с Дону, три Ворона. Один поселился на Иркутском тракте — там деревня Воронина, от Томска восемнадцать вёрст, другой — на реке Яе поселился — там тоже деревня Воронина. А третий поселился, где теперь Асинский район — там деревня Воронина пашня, теперь называют Воронопашино.

Хлеб сеял, на пушнину менял. Налогов не платил — там тайга была да болото, не скоро доберёшься. Ничего не признавал, жил, как помещик. Сто пятьдесят плугов пускал.

Беглые у него работали. Работать работали, а редко кто живой уходил.

Три года поживёт работник, требует расчёт, на родину надо пробираться. Ну, он ему заплатит. А потом садится на своего коня, догоняет. Всё больше у деревни Некрасовой догонял.

— Стой! Давай мои деньги!

Отберёт и убьёт. И мёртвое тело — в болото. Оттого сильно богател. Все деньги у него оставались. Боченок золота насыпал, в болото опустил для сохранности. А потом уже один попал к нему знающий. Три года прожил, идёт домой. Ворон догоняет:

— Стой! Давай деньги!

А этот работник глаза в него уставил. Силу имел в глазах, и говорит:

— Слазь с коня.

Ворон слез.

— Доставай топор.

Ворон достал.

Работник его на куски изрубил, сложил в мешок, к седлу привязал. Рыжий конь и привёз. Такой был конец этому Ворону. А бочонок с золотом все искали, искали, по болоту шарили, да нет, не нашли.

Некрасово и упоминаемое ниже Маложирово — сёла в Причулымье, к северо-востоку от Томска.

ЗАНУЗДАЛИ

Деды из России на конях приехали. Добрые кони, заводские. Здесь таких не было. А этот Воронин здесь житель был, дом у него вон там стоял, теперь уж нету. На Яе рыбачил, под Томском заимку держал и здесь жил — старики говаривали. У одного коня угонит, у другого украдёт. Атаманничал. Рабочих нанимал — по сто пятьдесят душ у него работало, убивал, и деньги брал опять себе, и с того богател. И нарвался на двоих наших. Рассчитал, они пошли себе. Догоняет в Маложировой. А эти наговор знали. Ружья были кремнёвые. Пуля и выскочила из ствола. Ему нельзя стрелять.

Изрубили его в куски, в торока́ поклали, конь домой привёз. Вот как наши-то его зануздали.

Торока́ — сумы у седла.

ЛЕГЕНДА О ЛИХАНОВЕ

Возникновение сказаний о заступнике ямщицкой бедноты Лиханове, доньше сохранившихся в сёлах вокруг Томска, относятся к 70-м годам XIX века. Легенда сложилась на основе явлений местной народной жизни того времени, что подтверждается свидетельством мемуариста В. М. Флоринского: «Кстати скажу здесь и про Лиханова. Легенды о его похождениях мне пришлось слышать в первые же дни после приезда в Томск. Не проходило дня, чтобы он не да-

вал себя знать какою-нибудь отчаянной выходкой. Его боялись не только в окрестностях города, по большим и просёлочным дорогам, но и в самом Томске. Грабил он только купцов и чиновников, крестьянам же и мещанам покровительствовал. С последними у него, очевидно, были постоянные сношения. Томская городская дума напечатала и расклеила на всех перекрёстках объявления, что тому, кто доставит Лиханова в Томск живого или мёртвого, будет выдано городским управлением вознаграждение в размере 300 рублей» (В. М. Флоринский «Заметки и воспоминания». Журнал «Русская старина», кн. IV, апрель, 1906 г.).

ИЗ СИРОТСТВА

Он воспитанник был у богатого ямщика в Минайловой. Тот его из сиротства взял.

А кто говорит — был девичий сын. Вырос и стал на тракт выходить.

Обоз идёт.

— Чьи кони?

— Лихановские.

— Заворачивай оглобли, ходу нет.

Потом и говорит приёмному отцу:

— Ну, батя, давай сто рублей, а то ни одного твоего обоза не пропущу.

Отцовы деньги бедным раздавал, до копейки.

Девичий сын — незаконнорождённый, т. е. рождённый вне официального брака. На такого человека не распространялся ряд правовых норм, он не наследовал имущества отца, а поэтому, зачастую, должен был стать батраком или же оказывался за пределами общества, в мире отверженных. Легенда отразила эти социально-бытовые явления своего времени, но в неё мог также проникнуть отголосок древнейших мифов о чудесном рождении героя от девы.

НАБОРНАЯ УЗДЕЧКА

В Минайловой спервоначала шесть братьев поселились: Влас да Протас, Коп да Ион, Савелий да Сафрон. Лиханов — от Иона. Этот Ион ловкостью отличался. Егоникто не мог побороть, ни в Томске, ни в Иркутске.

Был Мразовский — из ссыльных поляков, у него была узда наборная. Алиханчик взял — узда занадобилась.

сам уехал богатеньких обирать. Через сколько времени не знаю, отчим мой был в гостях в Минайловой в Петров день. Сидят, пьют. Пришёл Лиханов. Узду несёт Мразовскому.— Вот, говорит,— твоя узда. Ты что думал, не отдам?

Он бедных не обижал, он богатых обижал.

По деревням народ сгоняли ловить его. Морозов, покойный, рассказывал: он в Коневой ночевал у Степана Ильича, с Пудановским рядом, двухэтажный дом. И окружили дом. Алиханчик на крыльцо вышел.

— Вот я — Лиханов. Коль надо — берите!

Всех, как ветром, сдуло — разбежались. А он сел на коня, поехал опять на тракт.

Иногда Лиханова называют, как в данном сказе, Алиханчиком или же Алихановым, что идёт от томских татар, переименовавших по-своему русскую фамилию.

У ГУБЕРНАТОРА

Большая награда была назначена. Поймай Лиханчика — деньги получишь. Вот он сам и заявляется к томскому губернатору.

— Ваше превосходительство, я его, злодея, поймаю и к вам приведу. Только дайте денег на расходы.

Тот был с придурью, поверил, даёт.

Лиханов коня ставил так, чтобы скакнуть в седло сразу — хоть с головы, хоть с хвоста. У крыльца конь стоял.

Ну он деньги берёт и говорит:

— А ведь я и есть Лиханов.

Губернатор глаза выпучил, руками развёл. Лиханов — сразу на коня, и был таков.

РЕБЯТИШЕК НАГРАЖДАЛ

Приедет Лиханов в деревню. Ребятишки за околицей его встречают.

— Вот дядя Лиханов едет.

— Что, голопузые, штанов нет?

— Нету, дядя, нету.

— Нате всем штаны. Да не сказывайте, кто дал.

Вынимает из тороков, кидает. Всех штанами награждает, тогда дальше едет.

Подобно Лиханову раздаёт одежду детям бедняков герой горнозаводских легенд Криволуцкий (см. ниже, в разделе «Предания и легенды старых горнорабочих»). Батраки и бедняки на тракте и рабочие рудников Алтая, ещё тесно связанные с крестьянской массой, одинаково мечтали о счастливом времени, когда их дети не будут носить лохмотья, а вместе с тем верили в помощь чудесного героя; отсюда общность этих мотивов в преданиях обеих групп населения.

НА ЛОШАДЁНКУ, НА КОРОВЁНКУ

Едет ямщик, навстречу — Лиханов.

— Что у тебя лошадь худенька?

— Да вот семья одолела. Десять душ.

Даёт ему четвертную.

— Вот тебе на лошадёнку и на коровёнку.

Так и ездил. Ворот не отворял. Какие ни на есть ворота — его конь перескакивал. Станут ловить.

— Лиханов был?

— Был.

— Куда поехал?

— В Писаревку.

Там спросят:

— Лиханов был?

— Был.

— Куда поехал?

— Да в Аникину.

Туда кинутся.

— Был?

— Был.

— Куда поехал?

— Да кто же его знает, ищи ветра в поле, у него конь такой — разве догонишь.

Был Куликов богатый мужик. Он всё его следил. Этот Куликов с базара ехал. У Мордвиновых ночевал в Федосеевке. Лиханов представился нищим, тут же у порога валялся. За околицей обобрал его, голышом пустил. И всё бедным — кому на лошадёнку, кому на коровёнку — всё раздал.

Писаревка и Аникина — деревни Томского района.

БЕДНОТА НЕ ВЫДАВАЛА

Его ловить двести человек были собраны, ловили под Басандайкой. И вот купеческие сынки пьют водку и похваляются: «Мы, мы сделаем ему конец». Двенадцать человек их было. Разгулялись, давай стрелять. И говорят:

— Вот бы Лиханова сюда! Мы бы ему пузо простреляли.

А он в соседях сидел, ему соседи всё передали.

Стреляют, потом один говорит:

— У меня, ребята, пули все.

— И у меня все.

— И у меня.

Ни у кого пуль нет. Он тут и выходит.

— Вы желали Лиханова видеть? Я здесь налицо.

Они глаза выпучили. Он говорит:

— Складывайте на этот пень у кого что есть из богатства.

Собрал и уехал по деревням. Всё бедноте раздал. Он так давал: если коровы нет — даёт на корову, только смотри, не пропей, а то не сдобровать.

Его беднота не выдавала, прятали его — он и жил, не тужил. Пуля не брала. Потом уж пастух его застрелил медной пуговкой.

Басандайка — живописная местность и населённый пункт вблизи Томска, название которой, согласно легендам, произошло от имени татарского князя Басандая, жившего здесь в XVII веке. Теперь Басандайка — место отдыха трудящихся, а в прошлом она служила одним из постоянных мест пьяного разгула томских купцов.

Согласно фантастическим представлениям старых крестьян-сибиряков, медная пуговица, употреблённая вместо пули, имела роковую силу, обязательно несла смерть любому существу, хотя бы даже и обладавшему сверхъестественными свойствами (колдуны, ведьмы, оборотни и т. п.). О том, что бунтарь-мститель был убит медной пуговицей, или его заковали в кандалы при помощи медной заклёпки, не раз говорится также в легендах горнозаводского цикла на Алтае. Этот мотив имел широкое распространение в русских, а также украинских легендах о бунтарях, он звучит в предании о предводителе украинских крестьян, восставших против панов в 20—30-х годах XIX века, Устиме Кармалюке и в одной из легенд о Степане Разине, где последнего убивают медным крестом. Медный предмет, употреблённый вместо пули, приобретает значение эмблемы власти церкви и помещичьего государства, совместно карающих колдуна-бунтаря. Народное суеверие, сохранившееся с глубо-

кой древности (как известно, медь вошла в обиход раньше железа, медь и бронза — самые древние металлы), было, повидимому, использовано врагами освободительных движений в целях пропаганды против бунтарей. О них распространялась молва, что они поддерживают сношения с нечистой силой, являются колдунами; это делалось для того, чтобы оттолкнуть от бунтарей народные массы.

ЛИХАНОВ И СТАРУХА

Лиханов на рыжем коне ездил. Его невидимкой считали. У купцов отбирал, жертвовал бедноте.

Ехал трактом. И старуха ехала. Сама стара, дряхла и конь еле живой, кожа да кости, ободранный, весь в парше.

Он её догнал.

— Эх ты, бабка! До чего со своей клячей дожила!

— Ась, батюшка?

— Чего, говорю, везёшь?

— А сметанку, батюшка, на базар, три корчажки.

— Мажь свою клячу сметаной!

— Да ты, что, батюшка, сдурел?

— Мажь, говорю!

Делать нечего, слезла старуха с телеги. Свою лошадь и обмазала.

И плачет:

— Да я бы сметанку-то за полтора рубля продала!

— Ох ты, старуха! Не реви, на триста рублей!

Сунул ей деньги, сам ускакал. Старуха зажила хорошо, и денег ей до смерти хватило, и лошадь поправилась: от парши сметана-то помогла.

ЛИХАНОВСКИЙ КОНЬ

Алиханчик едет — топоток не слышать, и как с неба пал — вот те здравствуй! Мужик встретится — он дорожку спросит. Этот укажет, а он вынимает и даёт за спрос сто рублей, а то — двести.

Вырастил коня под собой, вскормил пшеницей. Лончаком, сосунком его взял. Один старичок ему сказывал:

— Ты никуда на нём не езди, покуль с три аршина заплот задней ногой не заденет, подкову не оставит, тогда — езжай.

Так и вышло. Конь заплот подковой заследил, тогда он на нём поехал.

Красивый жеребчик был, грива до ноги, в три кольца. Через Томь прыжки давал — вот какой конь.

«Покуль» — пока. Заплот — забор.

В наказе старичка — отражение ямщицких обычаев испытания зрелости молодых коней.

СОШНИКОВЫ ПАНЦЫРИ

На мирском сходе обязанных выбирали — кому в церковь трапезником, кому в тайгу итти пожары тушить. Это у нас, в Аксёновой. Родиона Евдокимовича Евстигнеева как станут выбирать, он и говорит:

— Нет, не пойду. Вы Лиханова не ловили, а я Лиханова ловил.

— Ну, когда там ловил, сколь уж лет прошло! И мы ходили, и мы ловили!

— Чего там «ловили»! Сошники навесили по грудям, как бронь, тогда и пошли! Храбрые, нечего сказать! А я ходил — сошник не навешивал.

Стары люди — они Лиханова шибко боялись, из сошников ладили панцыри себе. Без панцырей им его не взять никак.

А убит он на речке Киргизке. Охотник один застрелил. И будто медной пуговицей.

Речка Киргизка к северо-востоку от Томска.

ОБМАНУЛИ

Родитель сказывал: приехали деды пахать, они братья были. От одного пошла деревня Смокотино, другой рядом в Калтае поселился. Калтайские, смокотинские гоньбу гоняли по тракту. Лиханов их не шевелил. Купцов обирал, а ямщиков не шевелил.

Был приказ — взять его в живности. Кто возьмёт — подать никакую платить не будет до смерти. Дед мой был старшиной. Прозванье ему уличное — Денисов. Ну, думает, возьму Лиханова, не то податью раздавят меня совсем.

Озеро есть сенокосное по смокотинской дорожке — она выходит на тракт. Сделали облаву, туда его загнали, он зашёл в это озеро, спрятался под корягой. Ружья были кремнёвые. Дед видит: ружьё у Лиханова подмокло, кремьё бою не даст. Идёт дед прямо на него.

— Денисов, не ходи, я тебя убью!

— Али ты меня, али я тебя!

И своё ружьё навёл. Лиханов стрелил — хлоп, осечка
Тогда говорит:

— Ну,— говорит,— Денисов, бери меня.

А с податью обманули. Всё равно дед платил, и платил. Бывало, рукой махнёт и скажет:

— Лучше бы я его и не брал, Лиханова!..

Преувеличив подвиги одинокого мстителя, легенда бедняков и батраков верно отразила его гибель в неравной борьбе с богачами и их государством. О более высоких, коллективных формах народного протеста повествуют приводимые ниже предания.

ВСЕМ МИРОМ .

Все наши старики это знают. Был в Колывани купец Пастухов, держал торговлю. У него обманные гири. Одного обвешает, другого обвешает. Богател с обмана. Народ узнал, всем миром приговорили: привязать к ногам ему эти гири, пускай так и ходит. И ходил, до самой смерти ходил с гирями. Не обманывай народ.

К о л ы в а н ь — село на Оби.

СТАНОВОГО ПРОГНАЛИ

У нас в деревне Чёрной держал маслобойку Загу-даев. Мой отец у него работал, Илья с Кубани, тоже работал — кубанский казак был, ссыльный. Они оба шибко здоровы — жом ворочали двое на сто пудов, масло жали шибко.

Один раз Илья топором ногу разрубил — болит, плохо дело, тут и смерть подходит. Вот он и говорит моему отцу:

— Отвези меня в березник, где белы берёзы.

Отвёз его отец, он полежал под белой берёзой, берё-

зовым духом подышал, и нога зажила. Потом они опять робыли.

А Загудаев был шибко крутой, дерзкий. Про него слух в народе: работников убивал. Заплатит сколь надо, отпустит, и на восьмой версте догонит и убьёт, а деньги хватал обратно, себе в мешок хватал. Мой дядя поехал с сеном, у него была собачка; под мост заехал — собачка лает. Увидал человека, пополам разрубленного. Сказывал народу; только Загудаеву не было ничего; сунет начальникам деньжонок — они глаза завязывали.

Были, которые боялись, а вот Володя Свистуха, работник — не боялся. Вилы возьмёт, оставит на этого Загудаева:

— Ты у меня смотри!

Сбивали спесь. Один раз приехал становой пристав, полный кавалер, грудь в крестах.

— Платите недоимку!

А старики поднялись:

— Не будем платить!

Берут его за грудки, трясут, а кто и за вилы взялся, а он скорей в тележку да уехал. И больше не видывали.

Д. Чёрная — в Болотнинском районе, Новосибирской области.

Жом — пресс для выжимания масла.

Русскому народу, в том числе сибирским крестьянам, было свойственно представление о целебной силе запаха берёзы, берёзового сока.

Глаза завязать — часто встречающееся в бытовой речи и в устных рассказах крестьян-сибиряков метафорическое выражение, смысл которого: сознательно не видеть чего-либо, не обращать внимание на что-либо.

Массовый отказ от уплаты податных недоимок характерен для крестьянства многих местностей Западной Сибири в 1905—1907 гг., когда призывы Томского и Барнаульского Комитетов РСДРП не платить податей царскому правительству, встретили активную поддержку со стороны крестьян ряда волостей.

Становой пристав — помощник исправника, начальника уездной полиции.

ЖЕНСКАЯ ДОЛЯ

Полное бесправие и притупляющая работа — такова была участь женщин в русских деревнях Сибири, не отличавшаяся по своей тяжести от судьбы крестьянок европейской части страны. Ог-

ромный объём женской работы в домашнем хозяйстве и на полях ещё увеличился в начале XX века, когда западно-сибирские крестьяне стали усиленно разводить молочный скот, развивать маслоделие, особенно в Барабе. Силы многих крестьянок-сибирячек поглощались без остатка этим трудом.

Дельцы-коммерсанты наживали огромные барыши на вывозе сибирского масла по только что проведённой железной дороге, заменившей Московско-Иркутский тракт, а трудовые слои деревни разорялись и беднели ещё быстрее, чем раньше. Барабинские сёла, как и многие другие, оказались опутанными паутиной сделок спекулянтов-скупщиков молока и масла, владельцев маслодельных предприятий. Широко распространилась система кабального кредита под городские товары, вызывавшая батрачество детей, которых родители отдавали «в люди», чтобы отработать непосильные долги.

Об этом правдиво и выразительно рассказывает Елена Петровна Николаева, уроженка деревни Тихоновки (к северу от села Венгерова), испытавшая в детстве и в юности злую судьбу батрачки, запомнившая немало явлений жизни тех лет.

МАРАКУИ

В старое время дворы крыли жердями, сверху соломой. Коров держали на холоду. Обмораживались они, титьки обмораживали, рога ошибали. Волк драл их в пригоне, а то придёт — кровь выпьёт. Ходили коровы по полю, человека боялись, ласки не понимали. На поводу не пойдут, на пол не ступят, по земле только привычны ходить. Бывало, языками болели. В одночасье, смерть к ним приходила, все помирали. Это была сибирская язва, ящур был. Думали: сухой огонь помогает. От берёзы брали два столбика, тёрли один об другой, доставали деревянный огонь. Им коптили, подкуривали, а всё равно коровы мёрли.

Молоко цедили в горшки глиняные, некалёные — их горшечники из дальних деревень везли, нам продавали. В деревянные судницы тоже цедили. Сита ткали из конского хвоста, обечайки — ободья — ладили из бересты. Ежели ставлено молоко на молодой месяц — говорили — больше снимку будет. Сметану снимали, масло били, везли на базар. В Спасское важивали и в Каинск.

Девки молоком умывались для бела лица, пели:

Девушки-беляночки,
Где вы набелилися?

Мы корову подоили,
Молоком умыли.

Когда я была маленькая — сепаратор объявился. Открылся молочный завод. Масло бьют — пахта льётся куда попало, по деревне льётся, её мухи пьют. Не знали, куда её девать. Всё это от купца Шпигельмана, он жил в Меньшиковой. Стали приезжать из Спасского закупать молоко. Кто победнее — сроду в долгу были у купцов. Сами масло не ели, сметану не ели — всё на продажу. А творогом брезговали.

Радугины ели творог. Был разговор: «Из-за своей скупости поганый творог едят». Шибко скупы. А на коней не скупилась. Как девку замуж отдавать — ей коня привяжут.

Женили сына. В незнакомую деревню поехали, высватали девку — говорить не знала, только робить. Ростом с большущую вербу, здоровуца. Нарочно взяли: пускай робит и сор на улицу не выносит. Петь не умела. На свадьбе ей говорят: «Спой», она и запела:

Мотовило — корневило,
Кто порубит — тот помрёт.

И никаких песен боле не знала.

Дом у Радугиных был большущий. Отец сидел в горнице с девками — борода у него косячком — пил вино, боле ничего. Мать — в избе с татарами, работниками, они помногу работников держали. А эта новобрачная в хлевке, где телята, там и жила. В хлевке у неё пятнадцать платьев лежало, каждое по пятнадцать аршин — она шибко большая; узорчаты платья, с аграмантом. Раз в год их сушить вывешивала, через весь двор верёвку протянет, они болтаются, вся деревня глядит. А носить их никак нельзя: доила тридцать коров. Одна управлялась. На ходу спала. Кто с ней заговорит, а она и не слышит, дремлет, будто думает.

— Ты о чём думаешь?

— Да так, маракую.

Её и прозвали Маракуй. А была Акулина Григорьевна.

Последнюю корову додоит, а тут уже зарится, садись под первую. Ноги у неё стали, как спицы, длинные, топки — отошала. Двадцать два ребёнка принесла. Всех их родила под коровой. Бывало, в подоле ребёнка несёт, но-

ворождённого, в другой руке — ведро с молоком. Ей свекровь навстречу:

— Опять змея ошенилась: надо коров доить, а она детей таскает!

Маракуй сунет ребёнка на печку, подойти некогда, он попищит и помрёт. Девятнадцать ребят померли, трое остались.

Тут старику Радугину был сон: кто ребятишкам молока не даёт — того на том свете будут стеклом кормить, кто воды подливает в молоко, того заставят воду от молока руками отбирать; кто вино пьёт и пляшет, тот будет на гвоздях плясать.

Он этого сна испугался, взял троих внуков к себе в горницу и вырастил. А то бы им тоже помереть.

Одночасье — в одно время.

Спасское — старое название села Венгерово, Новосибирской области.

Меньшиково — село Венгеровского района.

Мотовило — деревянная рогуля, на которую наматывалась пряжа с веретена. Припевка предсказывала беду тому, кто сломает, «порубит» мотовило — одну из принадлежностей домашнего изготовления тканей. Зная припевку, связанную с домашним женским трудом, девушка, о которой говорится в сказе, не знала обычных свадебных песен — обстоятельство, свидетельствующее об узости её духовного мира, в результате приниженности и забитости.

Аграмант — плетёнка из шнурков, украшение старинной женской одежды.

В НЯНЬКАХ

Семья велика, того надо заработать и другого. Пустили меня по нянькам. В первый раз жила в няньках у Ярманова. Он чирки шил на всю деревню, рисовать умел на всю деревню один: говорили «печатывают» — стало быть рисует. Сделает из бумаги мисочки, кружочки крашены, его баба навесит на чашельную полку. Кто попросит — они это рисование дают, денег не брали. Он нарисовал кружок, на стенку прилепил.

— Гляди, Нютка: солнышко.

Он был шибко вёрткий, ходовой. Про него говорили: «Вок Сикмарь-букварь бежит». И другое прозвание у него было: шамела. Пласты копал избы крыть — по грошу с пласта. В день восемьсот пластов накапывал, а то и полторы тысячи. Вёрткий. Он в городе живал, учил меня

городским песням. От него узнала: «Солнце всходит и заходит», «Прошли те дни златые».

У него жилось ничего, а потом горя узнала. Перед первой германской войной мамушка взяла у Гаврилыча (он торговлю держал) шесть аршин чёрненького товару. За это я у него год жила в работницах. Был скупущий, всё говорил:

— Хозяин на бабу не напасётся мешком — она растащит подолом.

Высчитал, сколь за утро потеряется муки, пока стряпаем. Бабы сидят, прядут — он считает нитки. И всё считал — сколь выйдет из пасмы холста, и бабам говорил — в какое бердо какую нитку ткать.

У баб за утро сто дел: печка топится, квашня убежала, мужик есть просит и солдата накормит — солдат пришёл. Крутилась у этих хозяев. Тринадцать коров передою, по воду съезжу, рубахи полоскать съезжу на озеро Чимбал. Робила, как лошадь, а есть не смела, они не приподчивали. Прибегу к матушке, она даёт мне кусочки, их ем. Хоть сухая корка, а своя волька.

Хозяева сына женили, им работницу боле не надо. Матушка ещё оставалась должна семь гривен. Отдали меня за восемнадцать вёрст в Павлово — к новосёлам российским, они из Витябской губернии. Они не пряли и не ткали — у них в сундуках лежал фабричный товар. И диво мне это было. Ложки железные, я ими есть не умела — жгутся. Тёлку я пригоню голодная, да и холодно: шабуришко был ветхонький — у нас говорили — вверх дном стряхни, подпоясан грязным рукотёром. Запихаю руки в ведро с молоком, грею в парном молоке. Коровы были дикие — один раз чуть не запороли меня, смяли меня, всё ведро разлили. Хозяйка по голове мне пальцем стучала:

— Спи, а мух видь.

Потом жила во Второй Сибирцевой у писаря. Степановна, писариха, была шибко толста, груди по ведру, брюхо на коленях лежало.

Семь коров дою, руки в молоке грею. И нашла печаль. Думаю: и пошто это я отлётная пташечка: родные в куче, а я от них отлетела. И давай голосом выть:

Родимая моя маманька!

Неужто не возболело твоё сердечушко.

По родимой твоей доченьке?

Писарь услышал, жене сказал:

— Александра Степановна! У нас сегодня волчок был в пригоне.

Она говорит:

— Надо поприметить, кабы скотину не похитил.

Потом посылают меня к попу: попроси, говорят, на чашку чая. Там ещё с попом просвирня жила, страхучая старушка, я её шибко боялась, а итти мимо увала, а под увалом бешеные собаки закопаны. А дело вечером, темно. Бегу, аж сердце выскакивает, боюсь. И слова позабыла, какие сказать. Поп на меня глянул, а я в первый раз так близко-то увидела: волосья длинные, страх разобрал, грохнулась без памяти.

Писарь с писарихой пожаловались моим родителям: воеет в пригоне и священника пугается. А тут как раз двух пастухов, бедненьких, как я, громом убило. Маманька и берёт меня домой:— Ладно уж, поживи дома, а ни то ненароком выйдет какой грех.

А потом отдали в Климино, кержакам. Там лихо. Всё молитвы хозяин бормочет, а с покосу приедет и зачинает хозяйку бить. Она мало меня старше, молоденька, и спать была горазда. Он уедет, она свои платья на меня примеряла. Малость узковато мне, а так впору. И ляжем спать на огурешных грядках, Он вернётся, ногами пинает её и меня. Ох, бил! После убил до смерти. И всё с молитвой.

Второй дом у них был пустой — одни казаны в сенках стояли с мочёным луком — пряжу красить. Могилой пахло, я туда боялась ходить. Черёмуха под окнами, и голуби летают — шестьсот голубей держал хозяин. И моленна с маленькими оконками, один глав на ней. Помолят-ся, выходят оттуда все в чёрном, как покойники вылезают. Ой, лихо. Сядем есть — нальют мне в кошачью чашку. Ой, лихо, домой бы мне.

Тут маманька приезжает: — Братку берут в солдаты, поедет домой. И всё же я заработала у кержаков: хозяйка чулки мне дала пёстрые, с ласточками. Они пряжу красили травой-серпухой и берёзовой коринкой, и квасом заливали, а станут вязать — выходит рисунком: и заяц, и мужик, и лиса, и ласточка.

Тут война с германцем. Берут мужиков, братку Максимку забирают. Провожала матушка, и возговорила плакущим голосом:

Сосёночка ты моя голенастая,
Дитёнок ты мой, родименький!
Нашла-то на нас туча тёмная,
Туча тёмная, туча грозная,
Уносит тебя в горы высокие,
В горы высокие, за моря глубокие.
Растерзают там твоё тело белое,
Вороньё твои глазаньки повыкльют.
Кабы были у меня сизы крылышки —
Полетела бы я ясной пташечкой,
Собрала бы я твои косточки,
Твои косточки по суставчикам,
Схоронила бы под калинов куст.
Запустеет моё тёпло гнёздышко,
Затускмят светлы окошечки,
Зарастёт муравой путь-дороженька.
А я то, мо детушки, остануся
Старым-стара и худым-худа,
Злого горя я не вытерплю,
Мне закроют глаза гробовой доской.
Коль вернёшься в родную сторонушку —
Да подуют ветры буйцые,
Да разнесут мать-сыру землю,
Да раскроют гробову доску,
Да раскрою я очи ясные,
Да разомкну уста сахарные,
Да промолвлю тебе слово ласково!

Чирки, бродни — сапоги из сыромятной кожи, обувь сибирков-старожилов.

Изображение солнца — излюбленный мотив живописи сибирских крестьян — неоднократно отмечаемый исследователями их быта.

Сикмарь — паук, шамела — шмель.

Во многих сёлах Барабы избы крылись пластами дёрна.

Бердо — принадлежность ткацкого стана. Применялись разные берда, крупные и мелкие, в зависимости от толщины пряжи.

Павлово и упоминаемое ниже Второе Сибирцево — сёла в Венгеровском районе.

Шабуришко, шабур — лёгкая верхняя домотканная одежда; в ткани шабура чередовались шерстяные и льняные нити. Рукотёр — полотенец.

Климино — село в Венгеровском районе.

Просвирия — женщина, которая печёт просвиры.

Просвира — хлеб, употребляемый в церковном богослужении.

Кержаки — потомки старообрядцев, раскольников, подвергавшихся преследованиям со стороны православной церкви и царских властей, ввиду чего они вынуждены бежать в глухие места Сибири. Сибирские кержаки жили замкнутыми общинами, сохраняя в XVIII, XIX и начале XX века своеобразные формы обрядности и быта, исчезнувшие при советском строе. Одна из кержацких общин находилась в селе Климино.

Слово кержак происходит от названия местности, считавшейся родиной старообрядчества, — Кержанец, Керженские леса в бывшей Нижегородской губернии.

К а з а н ы — большие котлы.

ГРЕБЁНКА

Пока в няньках жила — заробила теплушку, юбку с воланом. Ботинки мне сшил резака Алексеич — он один у нас в деревне сапожничал. Кому захочет — хорошие сошьёт, кому захочет — плохие. Мне сшил некрасивы, косы-косы. Я их стыдобилась, ноги прятала за девчонок. А всё же гулять охота. Война войной, а молодёжь по вечерам.

Один раз Акулина, сестра сродная, говорит мне:

— Нютка, те Яшка Улитин гребёнку купил.

— Пошто?

— Дружиться с тобой хочет.

Я застыдилась.

— Он тебя залюбил. Бери гребёнку.

Не хотела брать, потом взяла. Хожу с этой гребёнкой. Весело стало жить. Залюбил Яшка!

Я по ряму песню гряну.

Мил багульничек ломат.

Я ещё сильнее гряну —

Мил по голосу узнат.

Он услышал, как я это пела, увидел меня, и ещё голос понравился, и лицо. Потом Акулина мне тащит от Яшки бисер чёрный, мелкий, аршина два было. Обмотнула она кругом шеи, завязала узелочком. Сажусь прясть к окошку. Тятя рубит глызы ледяные, назьмит до рогу. В это время гармонь играет. Идёт Яшка, поёт.

— Я по улке иду,

На проулке встану.

Моя мила крепко спит,

Я будить не стану.

Дальше — больше. У амбара, где лён трепали, он меня и встретил. Хотел под руку взять. Испугалась, застыдилась, скакнула, как солдат, через заплот, а у заплота верхняя доска была стукалка — заденешь — дом задрожит. Шум поднялся, он и отступил, а я — домой.

На третий раз меня подкараулил и говорит: — Смотри, девка, не убегай. Ходить за тобой буду, пока кисет не представишь.

Если девка представит кисет и от парня примет подарки — быть свадьбе.

На Троицу играли в круга, в рощу ходили играть, песни петь. Вставали стеной, девка, потом парень, потом опять девка и парень. И вся стена разойдётся парами, ходили с песней.

Как по синему по морюшку
Червон король бежит,
Он бежит, бежит, бежит,
В Ярослав город спешит.
На кораблюшке гостином
Сын Васильюшка плывёт,
Сын Васильюшка — морёй,
Его матушка — горой.
Его матушка Ненила
Свысока речь говорила,
Свысока речь говорила,
Сын Васильюшка бранила:
— Полно, Вася, перестань,
Прочь от девушек отстань.
Ты, родима моя мать,
Тебе меня не узнать.
Я за реченьку за быстру
Всё ходить буду, ходить:
У майора дочь Павлина —
Я любить буду, любить.
У майора дочь Павлина
Очень брава-хороша,
Очень брава-хороша,
Прямо девица-душа.
Она ходит-выступает,
Речь говёрит-рассыпает,
Лицом бела-белый снег,
Щёчки алы-маков цвет.

У меня был платок, на нём написано «Кого люблю — того дарю». Яшка увидел в роще у меня этот платок и отнял. «Сшей, говорит, кисет, тогда отдам». А я не знаю, как его шить. К Петрову дню сноха сшила хороший кисет, даю ему, он отдаёт обратно платочек. Ну, ладно. К свадьбе дело клонится. Я всё лето его гребёнкой наслаждалась, в поле волосы чесала, сама думала: «Скоро выйду замуж, вот, хорошо!».

А осенью мамушка и сказала:

— Яшка Улитин высватал Маринку Сурикову. Она с домом и две коровы. Улитинская изба валится, ему и велела мать: бери с домом.

Тут я гребёнку слезами облила.

Парень с девкой сдружатся, а родители по-своему рассудят.

Этого много было.

Родители говорили:

— Поедем Маринку сватать.

— Он говорит:

— Да я хочу Вострикову Нютку.

— А мы твою не хотим. Ткать, прясть не умеет, да и бойкуная шибко, бить нас будет на старости лет. А у той скатёрок, утиральников вдосталь, шабур чёрный, добрый потник из поярок, одеяло за цепы выткано, да рисунки на утиральниках большедорожные, да и шуба с бобром, да и поезжан одарит — у нас маслишка-то немного. А у твоей и коса не так заплетена: мы намердись видели — бисер-то на макушке. А у той пять подушек, у неё да и наволочка вышита лебедями, и дом, и санки паровые, конь головой об дугу бьёт... — Наговорили, он и согласился.

— Ну, родители, ин быть по-вашему.

Поехали, высватали, по рукам хлопнули. Куриное перо из дому летит — так и девка на выданьи.

А я осталась.

Р я м — болотистый лес.

Багульничек, багульник — вечнозелёный, сильно пахучий кустарник: настой и отвар листьев багульника употреблялись в народной медицине, также для лечения лошадей.

Б о й к у н а я — бойкая.

У т и р а л ь н и к и — полотенца.

П о т н и к — лоскут, подкладываемый под седло или под седлку на спине коня, делался из кошмы или войлока, но мог быть

сделан из поярка — мягкой шерсти ягнёнка первой стрижки в первую осень его жизни; поярковый потник имел значительную ценность.

Одеяло, вытканное за цепи — искусно украшенное тканым орнаментом из неправильных треугольников, напоминающих скрепление цепов, соединённых между собой, как бы цепляющихся друг за друга.

Большедорожные рисунки — такие, как в сёлах по тракту, — считались самыми лучшими.

Одной из главных статей дохода крестьян в Барабе перед революцией являлось примитивное маслоделие. Родители жениха выражают надежду, что состоятельная невеста хорошо одарит участников свадьбы — поезжан; а у них самих «маслишка немного» — следовательно, мало денег, не хватит на тридиционное угощение и подарки.

НАЧАЛО НОВОЙ ЖИЗНИ

В сказах, отражающих великие события 1917—19 гг., появляется новый герой: организатор бедноты, красный партизан, борец за Советы.

Герои революции и гражданской войны в крестьянских сказах 20—30 лет тому назад ещё иногда наделялись такими же фантастическими качествами, как персонажи старых легенд. Герой мог казаться неуязвимым, его не брала пуля, он появлялся, принося победу, там, где его никак не могло быть, и т. п. Таковы уральские и волжские легенды о Чапаеве и ряд аналогичных произведений народного творчества. Но в настоящее время фантастика в таких сказах большей частью отсутствует, они реалистичны. Западно-Сибирский крестьянский сказ о том или ином местном революционном герое обычно не содержит элементов чудесного, полностью остаётся на почве возможного и действительно бывшего.

Фантастика отпадает по ряду причин. Если образ бунтаря, заступника угнетённой бедноты, был в значительной мере порождён желанием, ещё не претворившимся в действительность, то ведь образ героя революционных событий отражает именно действительность как таковую; мечты сменились практической борьбой масс, приводящей к реальным результатам.

Исчезновение элементов фантастики во многих сказах свидетельствует о глубоких изменениях мировоззрения крестьянства Западной Сибири. Рассказчики, повествующие о революционных событиях, не верят в чудесное. При советском строе они овладели грамотой, занимали различные выборные должности, участвовали в советской работе; ложные представления и поверья прошлого во

многим стали им чуждыми. Но в одном и том же населенном пункте можно ещё услышать как реалистический сказ о более близких событиях, так ещё и легенду о давних временах с элементами невероятного.

ПЁТР БОРОВСКИХ И ПОСЁЛОК БОРОВСКОЙ

У нас был Пётр Боровских, сирота, жилось ему плоховато. А плясун был, песельник, лучше всех, боевой парень.

Служил сперва лесообъездчиком, потом его забрали на первую германскую войну. Вот он вернулся с войны, а уж был восемнадцатый год. И он стал говорить нашим, чебулинским:

— Идите жить на ипполитову землю. Это всё наше, а не его.

А Ипполитов был богатый мужик, арендовал землю у Кабинета, отрезали ему хутор, он там построил всего, всяких построек. Это в стороне от Чебулы. Заготавливал дрова в казну, нанимал наших резать дрова, рубить лес. И пленные австрийцы у него работали, и ещё китайцы, всякий народ. Помаленьку строили себе избы, там, у этого Ипполитова.

Сделали комитет бедноты, Пётр Боровских был председателем. А была ещё Василина Матвеевна — мы её Васёнкой звали, Ипполитова стряпка. Он её обижал, она ему и сказала:

— Мои братья придут — тебя сожгут!

Мы и приехали из Чебулы — двенадцать человек. Хотели увести лошадей добрых, а он их уже угнал, неизвестно куда. Сам скрылся.

Ну, мы ничего там не пожгли, всё оставили, как было, и начали пахать эту землю для себя, и стали там строиться. Народ всё больше такой: до этого не имели никакого хозяйства, без земли.

Пётр Боровских этим делом руководил:

— Вот тебе отрезаю место, и тебе, и тебе.

А Ипполитова, говорит, — больше нету, и никогда не будет.

С той поры и стали называть этот посёлок — Боровской.

А потом — Колчак. Поехали по деревням офицеры, забирали комитетчиков, искали большевиков. По семь-

десять пять шомполов вкатывали, рубили на месте. В Чебуле арестовал нас, шесть человек. Привели к Пузанову. А Пузанов торговал иконами, человек с хитрецей. Один раз пришла к нему старушка:— Давай,— говорит,— Егория Храброго. А у него такой иконки не случилось. Даёт ей Миколу.— Вот он.— Да нет, хозяин, Егорий-то на коне, а этот — пеший.— Ничего, бабка, это он с коня слез оправиться, а так это — он. Старушка и купила.

Ну вот, привели нас к Пузанову, богачу, собрали сборню. Спрашивали старичков, возьмут на поруки или нет. Старички говорят:

— Ладно уж, возьмём.

— А как насчёт Петра Боровского?

— Богатые кричат:

— Не надо! Не возьмём! Он бунтовал, чужую землю делил!

Один старичонка сунулся — у него Пётр ещё в мальчишках сколько-то лет пожил:

— Надо, господа мужички, взять на поруки.

— А он тебе кто? Свой?

— Нет, я же из России, а он — старожил, только сирота.

— Богатые опять кричат:

— Не возьмём! Не хотим!

Ну, мы взятые на поруки, а он не взятый. Так и остались. Офицеры тут сразу куда-то уехали, его ещё не тронули.

Ясное дело, он скорей в Болотное, к своим, там такие же люди были, железнодорожники, он к ним. Они его пока спасали.

А нам и поруки не помогли. Мы думали — обойдётся. Так нет. Опять приехали, второй раз, угоняют нас в Ояш, в волость. Недели две сидели в каталажке, всего пятнадцать человек, из разных деревень. Тут обозы повалили, идут анненковцы через Ояш.

Заходит один в папахе.

— Давайте бойкого парня. На допрос.

Тот вернулся, белый, как глина.

— Ну, товарищи, конец нам!

Приводят нас в волость. Она мне показалась огромная-преогромная. Одного стали раздевать, какая-то бумажка выпала.

— Ишь, умирать, а он ещё бумажки подкидывает! Положите ему под задницу, пускай с ней и помрёт!

Дали ему прикладом в зубы.

Вывели нас на пустое место, поставили в две шеренги.

— Пли!

Все попадали. Как литовкой подкосило. И я упал, сам не знаю, живой или мёртвый. Второй залп дали по лежащим.

Потом слышу:

— Рубите шашками!

Я услышал, притаился, как мёртвый, чуть дышу. Подошёл один с шашкой, рубанул. Искры из глаз. Ещё раз рубанул. Всё потемнело.

— Загребите их снегом!

Это я услышал, как во сне всё равно, еле-еле. Потом слышу топоток: уезжают.

Руки из снега вытащил, голову пощупал. Не раскололи всё же. А все остальные — мёртвые. Вылез, и вышел на тракт, и айда. Ночь была светлая. Холодно. Голова у меня болтается, не держится — шею разрубили. Кровь бежит, а итти ничего, мог.

Между трактом и железной дорогой были эстонские хутора. Я туда и ушёл. Работники были свои ребята, завязали мне шею, я у них там и сидел, не показывался.

Тут уже Колчак отступал. Ему дали, ох, крепко дали. В какую деревню офицер зайдёт — ему и крышка, пулю ему в брюхо и вгонят. Не хотели больше терпеть.

Красная Армия пришла — меня в госпитале лечили, в Новониколаевске. Руки тряслись, а стал жить и живу, сын помощник машиниста в Болотном, квартира хорошая. А посёлок Боровской теперь здорово разросся, не узнаешь.

Теперь я скажу. Петра Боровских как не знать, он у нас скрывался при Колчаке, у нас жил. Он знал, куда итти надо — к железнодорожникам. Сам бедняк и шёл к бедным.

Он был сирота, его старики Волковы подобрали в Чебуле. Так его в детстве и прозвали: Петька Волчонок. Был удалявший. Пошёл за большевиков.

Когда скрывался, Пичугины богатенькие за ним охотились, подкараулили и весть подали. Был взят, сидел в вагоне на станции Чебула. Ему кто-то дал клочок бумажки, а он писать умел, его бродяга Чернява в бане грамоте научил. Вот он и написал нам:

«Прощайте, Еля и Павел. Я, ваш Пётр, жил не трусом и умру за бедных». Нам передали эту бумажку.

А на станции Чебула, где штабеля дров, были закопаны бочки с водой, ямочки там были. Он ступил левой ногой в ямочку, правой стоял на земле. Пуля ему попала в голову, вышла из носа. Так он и покончил свою жизнь за народ.

Все знали: большевик.

Посёлок Боровской — в 8 км от села Чебула, Ояшинского района, Новосибирской области.

Огромные массивы земель и лесов в Западной Сибири принадлежали царскому Кабинету, т. е. составляли личную собственность царей, переходя по наследству от одного царя к другому. В последние десятилетия, перед революцией, отдельные участки царских земель сдавались в аренду богатым крестьянам, к числу которых принадлежал упоминаемый в сказе Ипполитов.

Старый Ояш, село Ояшинского района, Новосибирской области, являлось волостным центром; в эту волость входила и Чебула.

Анненковцы — белогвардейцы из отряда казачьего атамана Анненкова отличались особенно кровавыми расправами над мирным населением.

Волость здесь в смысле: помещение волостной управы.

Среди многочисленных бродяг, скитавшихся по Сибири, были грамотные люди; они иногда обучали грамоте крестьянских детей за хлеб и другое подаяние.

ПОЧЕМУ СЕЛО СПАССКОЕ СТАЛО НАЗЫВАТЬСЯ ВЕНГЕРОВЫМ

Сделали тракт, стали сеять овёс, он тут хорошо рос, продавали урманским и кто едет по тракту — всем продавали. Тут жили на биче. Отец — ямщик, сын — ямщик, да чтоб колокольцы не дремали, а кони, чтоб у каждого были одной масти — вороные так вороные. Буранов никогда не боялись, ночь-полночь, в окошко стучат:

— Моисеев дома?

— Дома.

— На Чаны ехать.

— Сейчас запрягу.

Дружок заедет: «Дай коней». Даю. Его кони стоят у меня, отдыхают. Потом сам к нему: «Дай коней». Даёт до другого станка. Чтобы не было остановки, так и гнали на разных конях. Буран не буран, а давай вези.

Покупали харьковские дуги; она красовитая, да не в нашу силу, хомутины рвёт: станешь тянуть, она разлетится, на всю улицу гром, батюшки мои! Свою дугу срубали — десять годов служила.

Церковь ставили каменную во имя Спаса, называлось село Спасское. Тогда уж были богаты купцы, был Митрий Кучугов — двести коней держал, покупал овёс, продавал втрядорога. Он был хороший жулик, играл в карты в Томске, всех надул, выиграл двадцать две тысячи, завёл богатство. У нас просили его паровую мельницу поставить, так нет, невыгодно ему, всё в свой карман: — «Что вы, старички, я водную поставлю, — говорит, — и спасибо скажете». Как делить покосы — ему лучши луга; старосте денег сунет, и всё ему лучши луга.

Ему исправник был дружок, доктор был тоже дружок. Играли они в карты — тысячи летели. Мой отец служил у Кучугова, ездил в обозе; вот надо сына сдавать в солдаты — моего брата старшего, а у брата глаза не видят, куды в солдаты, дома бы оставить, он, почитай, слепой. Отец пошёл к хозяину, просит, как бы обраковали. Кучугов говорит: «Ладно». Сказал доктору, тот говорит: «Ладно». Они сидят, играют в карты. Ночью Кучугов доктора обыграл в пух, тот обозлился, назло ему брата признаёт годным, тот и пошёл служить, хоть глаза плохо глядели.

Были тут Венгеровы, они бедные были. Отец Венгеров служил у Кучугова, паездник хороший: какой конь с поровом, а он сядет — и конь бежит, как надо. Сын его Михаил — тот орёл. Ходил в солдатах на первую германскую войну; солдаты ворочались, и он вернулся, и стал говорить: — Нам купцов не надо, обмана не надо. Всем говорил, всему народу. Тут Колчак с армией идёт, ездит по деревням, многих забирают, казнят. Михаил на заимке спасался, один старикашка, поганец, его выдал.

До самой пули Михаил Венгеров говорил:

— Всех нас не перестреляют, много нас — тысячи, и всё равно будет по нашим словам.

Вывели на пески, хотели стрелять в затылок, а он повернулся и говорит:

— Не хочу смерть ловить в спину, хочу в лицо!

Орёл был. Расстреляли в лоб, а вышло по его словам. Купцов долой, Кучугова — долой, и назвали село — Венгерovo.

Урманские — жители урмана, т. е. болотистой и лесистой местности на северной окраине Барабы, где урожаи овса и хлебов были невысокими.

Колокольчики звенели под дугой во время езды. Отсюда выражение — «чтоб колокольцы не дремали».

Чаны — большое село, один из торговых центров старой Барабы, станция железной дороги.

ЕЩЁ О МИХАИЛЕ ВЕНГЕРОВЕ

Михаил Венгерov всё на сходках с Даниловым резался (а Данилов был человек состоятельный, офицер, приезжал к тестю в гости). Данилов кричит:

— Земство надо учредить!

А Венгерov:

— Совет надо учредить!

— Нет, земство!

— Нет, совет!

Венгерov давал народу подписаться: кто за советы. Неграмотные руку прикладывали. Кто бедный — все за советы.

А когда Колчак власть захватил, к нам приехал егерский полк. Всех согнали на площадь, в вилку взяли. Вот на приступках дома купца Кучугова пулемёт стоял, и у дома купца Шипицина пулемёт, и вон там. И взвод стоит с винтовками.

Капитан у них был волчина зубатый. С крыльца грозил.

— Тут у вас большевистское гнездо! Шершнево гнездо! Говорите, кто у вас ручки, кто руку прикладывал за советскую власть, не то всех расстреляем! Ну что, старики, молчите? Пятнадцать минут вам жить остаётся!

И смотрел на часы.

Нашёлся один старичишка, стал выдавать.

— Вот у нас Венгерov Михаил... И тот, и другой, и третий.

Стали искать по селу, кого он указывал. Васютка Акимов, мальчишка пятнадцати лет, на завалинке сидел. Рубашка на нём розовая. А перед тем к нам партизаны из урмана приезжали, у них Чебукин был командир, боевой мужик. Им надо было кожи на ремни. Здесь Горшиха кожевенный завод держала. У Акимовых останавливались, Васютку к Горшихе посылали за кожей. Кожу взяли, уехали в урман.

Старичишка про это сказал. Взяли Васютку, ведут. Прямо вон туда, на берег. Без всяких разговоров расстреляли. Я его мёртвого видел. Розовая рубашка кровью набухла, стала красная, кумачовая.

Михаил Венгеров на одной заимке скрывался. Нашли, ведут. Бабы голосят, родня за ним бежит. Он с народом прощался, снимая шапку. Как сейчас вижу — кожаная тужурка на нём, из себя черноватый, здоровый, орлом глядел.

На берег его привели, людей отогнали. Кричат:

— Спиной повернись!

А он:

— Вы нам ещё как умирать приказываете! Большевики по-своему умирают! Стреляйте в лицо!

Стал перед ними лицом, снимает кожаную тужурку, шапку бросает родне. Те кинулись подбирать. Он и говорит:

— Эх вы! Одежду берёте, а помочь не умеете!

Стреляли ему в лоб, сквозь голову пробили.

Расстреляли пятнадцать человек, перепороли двести пятьдесят. И уехали.

А что он говорил перед смертью, это всё запомнилось и в душу запало. И у всех была большая злоба на Колчака, прямо зубами скрежетали. Некоторые стали в урман убегать к партизанам. И Колчаку не было никакого покоя.

Тут подошла к нам по Московскому тракту Красная Армия, партизаны с ней соединились. Стала Советская власть.

Земство, земские учреждения — органы местного самоуправления, с 1864 г. существовавшие в Европейской России, отсутствовали в Сибири. Введено было сибирское земство уже после февральской революции. Эсеры в 1917 году пытались противопоставить земство Советам рабочих, крестьянских и солдатских депутатов.

ПАРТИЗАНСКАЯ СЕМЬЯ

Я вам в прошлый раз говорила (см. раздел «Женская доля»), как брата Матвея провожали в солдаты. Это его царь брал, на германский фронт. И другого брата угнали на войну.

Потом мы слухом пользовались: царя сбросили. А я про это много не думала, была девчонка, бегала по вечерам, какой там царь — и не знавала.

Они оба пришли домой целые — братья-то. Была у нас радость, да ненадолго: опять их Колчак забрал в солдаты. Там над ними шибко издевались.

Брата Матвея офицер перед строем ударил в зубы, Матвей не стерпел, пырнул его штыком. Хотели расстрелять, брат убежал в Кыштовский урман. Там их много собралось, они говорили: «Не хотим, чтобы над нами издевались, хотим Советскую власть». Ходили в шабурах — крестьяне и крестьяне, а под шабуром — оружие. Их и прозывали: шабурники урманские.

Они белым давали смерть, жизни белым не давали. Спасались по болотам в урмане, никак их не возьмёшь, по деревьям везде им была помощь.

Тятя хлебом их кормил, молоком, бараниной. Я верхом в большой рям калачи возила. Кричу на весь рям: «Но!» — они услышат, выйдут, возьмут хлеб. Один раз меня волк чуть не съел, всё выл в низине, пока ездил.

А к нам все прибегали на конях, шибко злы, делали обыск, искали партизан. Вышел приказ — кто партизана поймает — тому сто рублей. А братья всё же, нет, нет, а ходили в деревню, ночевали на задах, в бане. Ох, не попались бы. Я им сигнал давала: выйду за огород и пою «Сиротинкою взросла, как былинка в поле». Стало быть, нету их в деревне, можно притти переночевать. А если нельзя притти, колчаки здесь, тут пела другую песню: «Один был мальчик разнесчастный». И вот забыла песню, хоть убей, не вспомню, а надо им дать сигнал — не приходите. И тогда вот плачу, а не вспомню, чуть не выдала: уже эти колчаки по деревне бегут, как волки. Кричу сестре: «Санька, пой!» Она запела изо всей мочи, ну ладно, хоть обошлось, братья услышали, а то бы прямо в их руки дались.

В том году ягод было много, много. Мы возили, вози-

ли ягоды домой, заливали солодкой на вышке. Маманька и говорит:

— Не надо их с вышки снимать, а то солдаты поедят, как сюда придут.

По её словам исполнилось. Всё у нас поели — и ягоды, и сколь было мяса в амбаре насушено. Это так. Один раз приехали шибко злы. Я была за городьбой. Один нагайку поднял, а на конце пулька белёная.

— Где большевики? Говори лучше!

Отвечаю:

— У нас большие мужики есть на деревне: Митюха Марунин шибко большой, рослый.

Он меня и хватил нагайкой, да ещё. Вон шрамина осталась на руке. Я в три перевёрта пошла с испугу и от боли, в глазах — огонь, будто горит городьба, и овины горят, и кричу:

— Пойду к Солдатовым! Пойду к Солдатовым!

Солдатов — мой дядя. К нему хотела спастись.

Эти колчаки друг на друга поглядели, говорят:

— С ума сошла. Ну, иди, девка, нам тебя не надо.

Вдоль городьбы, да в траву, да катком, да в кусточки — тут у нас белянки собирали, после турнепс был посеян, на карачки, да по болоту, да лесами на Косачье озеро — тут кони ходили спутанные. Так и ушла от них. К Солдатовым не пошла, а к балагану, а в балагане братья пульки лили для партизанства — чашка была взята от сенокосилки, топили свинец, делали пули в этой чашечке, а чашечка в кожаной сумочке. Боли не чую, лезу скорей в балаган, сумочку хватаю, поскотиной впритык к озеру, так и добежала.

Пою: «Сиротинкою взросло». Брат Матвей услышал, гляжу — он плывёт на лодке.

— Ну, как?

— На семнадцать вершнях приехали, вас ищут, меня побили.

Отдала ему сумочку. Он с лица посинел, и поплыл, а у меня, как огонь в голове, сыплется с неба огонь, и будто горит лес.

Домой-то я вернулась, ночь-то мы переспали, а в зарю, как петухам петь — стучат и бренчат, спать не дают, гром по всему дому. Заходят с шашками наголо.

— Давайте большевиков, где они у вас спрятаны?

Всё перевернули, лезут в лари, в скрыни. В ящике мак

нашли, говорят: «Это порох, чего разговаривать, зарубить их на месте». Еле уговорили — мак, а не порох. Хватают тятю, сажают в телегу: «Мы тебя, старый хрен, увезём, покажем, как партизан скрывать». Хватают маманьку, везут допрашивать к офицеру.

Он сидел у Радугиных в горнице, там и допрашивал. Да был продажный: дай, говорит, подарок, и отпущу, и не трону. А маманька говорит:— Нету подарка, чо я дам, нету ничо.

— Говори, где сыновья?

— Не знаю.

Он и озлился. У Радугиных крыльцо высокое, да с приступками; дал ей в спину ногой, она и полетела, упала, печёнки отшибла. И опять идут к нам, шашки наголо. Нянька подолишечко подняла, ноги кажет — они у неё отродясь кривые, на одном колене шишка. Думала — покажет, не тронут калеку, сама причитает:

— Никола, угодничек, заступись!

— Нет Христа и нет прощенья! Старуха, ложись, будем тебя драть! А этих до единого — переколоть!

Как услышали «переколоть», так мы и кинулись кто куда, из избы. Сноха Апросинья ребёнка из люльки схватила, выбежала, бросила его в свинарник, сама в амбары, где старый хлеб, залезла в овёс, по глотку засыпалась овсом. Там и сидела долго, сапоги в грязи оставила. А этого ребёнка свиньи не съели, парень здоровый вырос, потом в Красной Армии служил.

Маманьку долго хлестали, а так и не сказала, где сыны. Она сделалась хвора, встать не могла, ей уж конец подходил.

Тятю увезли в Каинск, стоит он на телеге, плачет, а тоже не говорит, где сыны. Мучители уехали, а я давай хлеб молотить цепом, опять мы хлеб давали своим ребятам, партизанам.

Уже Колчак кончался, отступал он, Колчак. Бегут, бегут, напёрло опять ихнего офицерыя. Топают ногами:

— Вари яйца, стряпай блины!

Четыре подушки у нас взяли пуховых, под своих баб подложили — с ними бабы ехали, тулуп со стенки сняли, коня с упряжью увели, десять пар гусей захватили, стяг жирного мяса. Разорили совсем. Хоть бы скорее им всем передохнуть; хоть бы этому разбою конец пришёл! Нянька ходить сроду не могла — и то по снегу ползунком под-

лезла к их подводам, вытащила из воза две винтовки, в снег закопала. Не разбойничай.

Тут слухи:

— Московским трактом красные идут. Близко. И вот в Спасском красные.

Пришли из урмана наши ребята. Ночуют всё же в бане. Макарушка изладил стан, точил веретёшки, колодки ладил — пимы катать. «Вы, говорит, помирать погодите, ещё поживём». Солонку выточил шибко красиву, она и сейчас у сестры, просмолили её, так и живёт.

Один раз трепали лён. Пришли два солдата с винтовками. Ай, батюшка! Они говорят:

— У вас большевики есть?

Мы со снохой думаем — опять белые ворочаются, сердце обмирает, я со страху упала на пол.

— А вы кто?

Поднялась и упала. Гляжу: на них алы ленты: Позвали брата из бани, самовар поставили. Даже не верилось: красные пришли. Они смеются, давай меня звать:

— Поедем с нами, счастлива будешь весь век через нас.

А я говорю:

— Отца с матерью нельзя бросить: кару они испытали.

Тятя вернулся целый, только с той поры стал плакать. Плачет, да ругается, ругается, да плачет. В зимнего Микола матушка померла. Хоронили без попа: поп убежал с белыми, одну бабёнку, Марью Васильевну, увёз с собой — он вдовый был. С тех пор они так и ездят.

Брат Максим на могиле матушки скинул шапку, обземь шапкой ударил:

— Через нас погибла. Эх, какой палец не укуси — всё больно!

Урман — хвойный лес из пихты, кедра и лиственницы.

Кыштовский урман — на территории Кыштовского района, Новосибирской области.

Рям — болото с порослями сосны и берёзы.

Отражая историю народа, крестьянские сказы свидетельствуют о том, как изменялись быт и мировоззрение крестьян-сибиряков при советском строе. Большое место в сказах занимает тема освобождения трудящейся крестьянки, борющейся с многочисленными цепкими и живучими пережитками прошлого. Эта борьба, особенно на ранних её этапах, до завершения коллективизации, полна напряжённого драматизма.

ВЫШЛА ЗА ДЕТИНУ

Жалко было маманьку, ох жалко, а жить надо, весь век плакать не будешь. Как Советская власть началась — сделали клуб: чем на притыке песни петь, играть — ходите вы, парни и девки, в клуб. И стали туда ходить и пели:

Я умею шить и мыть,
Вышивать и гладить,
А ещё бы научиться,
Как уроки ладить.
Уж ты, Манька, не грусти,
Мы с тобой не дети.
Если влюбишься в кого —
Распишись в Совете.

Как братья ходили в партизанах, своего хлеба у нас мало было совсем. Пошли зарабатывать Максимушка, Апросинья и я, заробили у богатых сто пудов пшеницы. Ожили, день и ночь не спали, ели этот хлеб. Я скатёрок, утирок навязала, наклала целый ящик, приданного наготовила — замуж выходить.

Максимушка Радугин хотел взять: — Подожди, говорит, не выходи до мясоеда. А я не пошла: они Радугины, богачи, в их доме матушку допрашивали, да с крыльца потурили. Он — богач, надо мной насмеётся. Буду есть мякину, да выйду за детину.

И вот едут сватать из Усть-Изеса. Они слухом пользовались: я здоровуца, за мужика сено мечу. Женихова мать говорит: «её возьмём — будет кого к столу поставить и по щеке ударить». Такое слово всегда говорили, если высмотрят добрую невесту.

Я его не знавала. Глянула: он в новом картузе — суконны верха, — а ростом не вышел, меня помене. Тут и задумалась.

— Не пойду. Какой жених! Замухрышка.

Наши отвечают:

— На это не гляди. Возьмут в солдаты, там он выправится и подрастёт.

Глянула на руки. Все полопались — он работник. Поехал с нами в луга; быстро коня направил. Шустрый.

Мы с сестрой Санькой, как мужики, траву кладём вилами и короба с навозом переворачиваем, и он траву подает — успевай топтать. Всё ладно. И спрашивает, какие

песни у нас играют и говорят, какие у них. Я ему сказала песню: «Ванёк». Это была новая песня, в книжке с картинкой, читали грамотные. И он сказал:— умею играть в гармонию. Одно к одному — гармонист и песельница хорошая.

В это время посты уже не стали соблюдать: хоть и пост перед Петровым днём, а всё равно делали свадьбы. Убрали ходок берёзками, поехали свадьбу сыграли по обряду, ели пирог со щукой, пирог с салом. Мне надо выть, а повыла только когда косу заплетали. В свадебный день выть не стала. Жениха не боялась — ростом мал и молоденький, не грозен.

Веселья много на свадьбах, а после — нет. Полати у них тёмные, как могила, на полатах лежит старик злой-презлой, глазища выкатит, глядит вниз, как зверь. Слезет, выдерет супонь ремённую из гужей, зачинает бить сына (не Алексея, а другого), и внучонка Гришку плетью гонит с поля домой: плохо, мол, боронишь, да ещё сядет на него верхом, да плетью, да плетью. Про этого старика люди говорили: купцов убивал, грабил, тем и нажил домашность, дом поставил под жестью. А это правда: там кругом Усть-Изеса, были вечны камыши — у нас говорят — рыпажи и болотишки, и был тюп — это низина, а в ней старый лес, мелкий: ива, тальник, верба. Старикова пашня была в тюпу, купцы с дороги сбивались, туда свернут, а он им головы отвернёт.

Рядом жил поп и была попадья хрипатая старуха. У ней картинки висели на стенке: голые люди кипят в смоле — грешники. Церковные утирки тащила к моей свекровушке, меняла на самогонку. Алексеев отчим тоже был богомольный: пока из церкви не придёт — нам нет еды. Мы с Алексеем на него и батрачили, а кормил два раза в день, а то дадут нам творогу с луком, и ладно, боле ничего. Придёт из церкви, лезет на печь, бороду свесит, глядит звериными глазами. Мальчишка, внучек, сидит, книжку держит, вслух читает про зверей, как пришёл медведь; и только сказал медвежье слово «а я всех давишь» — тут старик озлился: «Как это всех давишь?! Да я тебе!» И слезает с печи, и давай бить мальчишку. Один раз Алексей заступился, старика уронил на кросна, а тот ему рубаху разодрал до пупа. Нету здесь жизни, один бой. Я и говорю:

— Уйдём, Алексей!

— Куды! Где у нас хозяйство! Ничего не даст отчим.

— В пастухи наймёшься — всё лучше. Да и я попасу.

У Алексея был дядя по матери, добер человек. Он приводит от своего дяди кобылу, ставит на телегу мой ящик — всё наше добро, съезжаем со двора. Его мать выскочила следом, давай клясть:

— Будешь ты проклятый, не сын ты мне! Как осина трясётся, так тебе трястись!

Меня ещё пуще ругала, а мы не побоялись, поехали, нанялись коров пасти, и никакого тряса не было на Алексея. Как жить — люди научили. Секретарь сельсовета сказал:

— Ты, Алёша, подай на Фёдора Афанасьича (это на отчима) в суд, он тебе заплатит, как батраку, за десять лет.

Суд присудил нам корову, четыре овечки, десять пудов хлеба. Избу купили, самовар, сапоги городские. Шабурную тужурку ему наладила, браную опояску, а у отчима ходил в дырках.

Открылся ликбез, вечерами стали бегать в клуб, и учим по складам: «Мы не рабы. Рабы не мы». Тридцать букв разучили, радуемся, начинаем читать книжки. Поём:

— Кулаки, вы, кулаки,
Что вы посогнулися?
Знать советские законы
Вам не поглянулися.

Тут у мельника Телегина чёрт прорвал мельницу. Старики говорили: «чёрт, да чёрт», будто приходил по ночам, его пугал, громадного роста, глаза, как свечки, и будто это наказание за обман: Телегин-то мирской хлеб ел, его богатство обманом нажито. Он батраков нанимал трамбовать, они ему чащи накидали в воду, нарочно сделали — пускай прорвёт. Какой там чёрт, люди ему сделали в отместку. Скоро всё его богатство описали, перешла мельница в крестком. Он со злости сошёл с ума, сидит на улице, из щечек мельницу строит, сам поёт:

— За Уралом за рекой
Казачи гуляли,
Казачи не дураки,
Складные ребята.
У них шапки — колпаки,
Все живут богато.

Усть-Изес — село на реке Изес в Венгеровском районе.

Песня «Проводы» («Во солдаты меня мать провожала») Демьяна Бедного.

«Свадьбишный вой» являлся составной частью обряда свадьбы. Жалобные песни невесты, сопровождаемые её плачем, выражали печаль девушки, которая становилась рабыней мужа и работницей в чужой семье. На свадьбе, о которой идёт речь, хотя и справлявшейся по традиционному обряду, причитания невесты уже почти отсутствовали — результат проникновения в сибирскую деревню веяний советской культуры. Героиня сказа выходит замуж по добровольному согласию, за бедняка, отказав зажиточному — смелый для того времени поступок — проявление классового самосознания беднячки, сестры партизана, и растущей самостоятельности женщин.

Кросна — стан для домашнего ручного тканья.

Опояска браная — узорчатый тканый пояс.

Мясоед — период времени, когда, согласно старинным обычаям, употреблялась обильная мясная пища и справлялись свадьбы.

ПУХОВЫ ВОЛОСКИ

На другой год берут Алексея в Красную Армию, живу одна, его дожидаясь, рощу нетель-тёлочку и свою девчоночку-первушечку. Были пуховы волоски. Хожу в клуб, на сцене выступаю, пою и пляшу.

Стали ребятишки помирать от горловой болезни. В Усть-Изесе богомольства хватало — церковь была, был поп — маленький горбатенький; бабы несут ребятишек в церковь причищать, а они мрут. И мне бабы наговорили: ты, говорят, неси свою девчонку, причасти, а то ещё захворает. Молода была, у самой ещё был разумок детский — послушала их. На великого Миколу несу девку в церковь; с одной ложки всех поили; только причастила — она и посинела, душит её хвесь, ночь промаялась, к утру помирает. Великий был Микола, все гуляли, все пьяные, позвать некого. Злобу забыла, к свекровке кинулась.

— Маманька, иди помоги!

Не пошла, сказала:

— Я не бог, от смерти не отведу.

Довелось схоронить девчонку-первушечку. И задумалась, пала печаль на сердце. Говорят — бог добрый. Какой он добрый — мою девчоночку убил! Церковь не взлюбила, священников не взлюбила, не надо этого мне.

ГОРБАЧ ЗАЦВЁЛ

Ходили красные сваты, приглашали в колхоз. Сперва вступили семь семей. Арина Першина, покойница, была боевая, первая пошла в колхоз. Всё говорила:

— Нам кулаков не надо! Мы без них умеем пахать и сеять!

Были пустоши — горка да низины. Это место называлось Горбач. Никто там не сеял. Полынь, сурепка, щелкун росли, боле ничего. Колхоз взял эту землю. А потом глядят — Горбач-то от колхоза зацвёл. Пшеницы насеяли, овса, картошки, семячек на силос. И гороху. Горох у нас редко кто сеял, не имели о нём понятия. Арина Першина ходит, поёт:

Россыпья горох .
На четыре части.
Хорошо нам стало жить
При Советской власти.

Кто бедный — заходили в колхоз. Постом было — и мы зашли с Алексеем. Осенью убрали первый урожай, а ещё было много единоличников, их и пригласили колхозники на вечер. Наварили пива, угощали, звали вступать к ним.

Арина Першина руки растопырит, пляшет, поёт:

Я в колхозе не была —
Сроду чаю не пила.
А в колхоз я поступила —
Самовар новый купила.

Кулаки бежали, кто куда. Она и говорит:

— Хватит им в роскошных дворцах пировать, всё наше.

Как кто из кулаков уедет — она заходит в этот дом и живет с семьёй. Потом в другой переходит, потом в третий. И говорит:

— Не жила в хоробах, так поживу.

Тут стали ломать эти дома, из них строить фермы: ходить в урман, рубить лес не хватало людей. Построили ферму, сделали кормушку, стали коров хорошо кормить, с ними разговаривать. Они дают много молока, а то были дикие, людей боялись, телиться в лес бегали, бывало, хо-

дим по лесу, ищем корову с телёночком. А в колхозе стали ручные.

И давай деревья садить, чтобы было красиво, белу берёзоньку. Тогда пели:

Я у фермы под окошком
Посадила пять берёз.
Это память о том годе,
Как вступили мы в колхоз.

Теперь они большие выросли, берёзы, густо растут.

Про лён скажу. Раньше у нас об руку трепали, держишь его в горсти, в другой руке трепалка, на коленках — овчина, а всё равно синяков набивали, все колени избьёшь. А в колхозе поставили дуплянку большую, трепали на ней, сразу много женщин. Потом купили машину льномялку. Была песенка сложена:

На дуплянке лён трепали,
Было некогда дремать,
А машину мы купили —
Теперь можем погулять.

Пригнали плоты по Тартасу, лес для стройки. Поехали встречать эти плоты. Разгрузили, и было большое гулянье. Пели песни: «Вейся знамя коммунизма» и «Под частым разрывом гремучих гранат отряд коммунаров сражался». Я в первый раз услышала эту песню и заплакала: вспомнила много партизанского, маманьку стало жалко.

И в том году, на Октябрьский праздник, я в первый раз на митинге высказывалась в честь своей матери и всего народа.

ПРЕДАНИЯ
И СКАЗЫ
СТАРЫХ
ГОРНОРАБОЧИХ

-***-

Группа потомственных горнорабочих, со своими традициями и преданиями сложилась в южных районах Западной Сибири ещё в XVIII веке. Это были «алтайские мастеровые», пожизненно, вместе с их потомством, приписанные к заводам и рудникам на территории Колывано-Воскресенского (Алтайского) горного округа, представлявшего собой царскую вотчину, личную собственность царей.

Память потомков сохраняет немало преданий о труде и быте их предков — закрепощённых рабочих, которые, однако же, не мирились со своим бесправным положением и пытались давать отпор горным чиновникам «Кабинета его величества», жестоко угнетавшим рабочую массу. Предания этой группы населения проникнуты духом протеста, неукротимым стремлением «к воле».

В условиях горно-военного строя, существовавшего на царских заводах и рудниках до 1861 года, с непрерывными палочными расправами и другими тяжёлыми наказаниями за малейший проступок, ещё не было стачек и забастовок. Протест рабочих выражался, во-первых, многочисленными побегами, единичными и групповыми, а во-вторых, актами мщения наиболее ненавистным начальникам. Это были стихийные, непродуманные, беспланные вспышки гнева; улучшить положения подневольных людей они, конечно, не могли, так как на место каждого убитого управителя приходил новый угнетатель, продолжавший действовать теми же методами, как его предшественник. Но не умирал дух народного протеста, не угасали надежды на лучшее будущее. В образах бунтарей-беглецов, героев легенд, выражались ещё смутные и неясные, но всё более зреющие мечты о жизни без гнёта, когда кандалы с ног спадут, о справедливом разделении богатств, когда оборванные дети получают хорошую одежду, и не будет голодных, о необычайной силе трудового народа.

Из дошедших до нас преданий и сказов горнорабочих Алтайского округа мы включаем в настоящее издание те, в которых с наибольшей ясностью и полнотой выражены думы и мечты, чаяния и сжидания группы населения в XVIII и XIX веках, ещё находящейся в своей исторической колыбели и не порвавшей тесных связей с крестьянской массой.

В ЦАРСКОЙ ВОТЧИНЕ

ИВАНОВА СОПКА

На Ивановой сопке задрали многих. Вон там направо большие дома были — начальники жили, Пишкин — пристав.

Бежал раз мимо пишкиного дому рабочий один, Иван шапку не снял. В окно увидали детишки.

— Папа, рабочий шапку не снимает!

Что тут поднялось!.. Лозы готовят, воз целый везут. По три лозы в куче было. Много их изводили: они об народ истрёпывались, как лапоть.

И стали на сопке драть. Пишка кричит:

— Крепче! Крепче!

Иван мужик был дряхленькой, не выдержал — помер.

Его на большом камне драли — так этот камень стал весь красный от его крови, и теперь такой.

С той поры один другому так и говорил, если поспорят:

— Ах, ты... Пишкин ты, а не человек!

И висела на сопке чугунная доска, часы отбивала. По часам гоняли народ на Змеев рудник змей ловить.

Полдюжины не поймаешь — на красном камне выдерут.

Иванова сопка — вблизи села Локтевского, Алтайского края, где находился Локтевский сереброплавильный завод, основанный в 1783 и закрытый в 1893 году.

Борьба со змеями, их истребление — реальная подробность рабочего быта на Алтае в XVIII веке. Известный путешественник Паллас, совершивший длительную поездку по Колывано-Воскресенскому (Алтайскому) округу, отмечает, что около рудников было очень много змей. («Путешествие по разным местам Российского государства», Санкт-Петербург, 1786, часть II, кн. 2, стр. 241, 326). Отсюда название: Змеев рудник, Змеиногорск.

СУПРОТИВЦЫ

Приехал горный начальник, из немцев, раздобывать рудяные кучи зимой, из-под снега.

— Как их зимой разбудешь? — бергалы головы чесали. А этот начальник орёт: зубами грызите, а чтобы кучи были! Заставлю грызть — будете грызть! Кухтырём головы поломаю!

Тут помазейка Кайманаков и сказал:

— Когда-то будет, а ярмошны железá с ног спадут.

Вышло ему за слова сто пятьдесят лоз. Драть выводили из строя — он киркой на немца намахнулся, немного не угодил. Тот присунулся в сторону, а то бы — конец.

Вкатили полтора ста — и в Барнаул отвезли. Народ говорил:

— Сегодня Кайманакова драли.

— За что драли?

— А за то, что железá с ног спадут!

Кайманаковы были все супротивцы. Егорушка Кайманаков пристава Ляшкина бить сгрёб, пуговики с мундира сорвал. Отвезли в Барнаул. Оттуда мало кто ворочался.

Управляющий — немец Визе, старенький, ходит, шамкает:

— Подрать, подрать, подрать.

Татьяна Егорьевна Колпакова была. Говорила:

— Дармоеды по времени исчезнут. И будет слобода, остануются мучения.

Драли Татьяну Егорьевну. Она была брюхата на шестом месяце. Живот вставили в железный хомут, заголять не стали, становину-то намочили, чтобы спина обтянулась.

После дёру скинула ребёнка, лишилась ума.

Тогда ещё беглецы Третьяковы были пойманы, где Громотуха с Ульбой сошлась. Рыжий конь у них был. Один Третьяков коню в ноги пал, поцеловал ноги-то ему:

— Ну, прощай, конь! Много я на тебе побегал, спасибо!

Б е р г а л ы — название горнорабочих, крепостнического периода, сохранившееся в памяти их потомков. Переделка немецкого слова *Bergarbeiter* — горный рабочий. Иностранцами специалистами, привлечёнными при Петре I на Урал и Алтай, был внесён в терминологию горного дела ряд иностранных наименований; некоторые из них впоследствии изменялись, приняв формы более свойственные

русскому языку, как например «бергал». Это слово старожилками Урала произносится с ударением на первом слоге — бѣргал, бѣргалы (сборник В. П. Бирюкова «Урал в его живом слове», Свердловск, 1953, стр. 47), но на Алтае ударение делается обычно на втором слоге — бергáл, бергáлы.

Кухтырь — посох с железным наконечником, применявшийся для ходьбы на лыжах.

Помазей, помазейка — малоискусный маляр, красильщик, выполняющий простые работы.

Ярмошны — производное слово от корня ярмо (хомут), в переносном смысле — лишаящие свободы; железа — кандалы. Образными словами простого красильщика выражено стремление к освобождению от гнёта царских чиновников-крепостников. В Барнауле — административном центре, Кольвано-Воскресенского (Алтайского) округа находилась главная комиссия военного суда, разбиравшая особо тяжёлые проступки горнорабочих, выносившая, обычно, самые суровые решения. Менее тяжёлые проступки разбирались на местах. Вот почему рассказчик говорит, что из Барнаула «мало кто ворочался».

Громотуха и Ульба — реки на южном Алтае.

ОКАЯННЫЙ НИКОЛАЕВСКИЙ СТРОЙ

В обязательное время, если у крестьянина два сына — одного оставляли, а другого брали в бергалы.

Мы были бобровские, Бийского уезда. Отец мой был взят. А рекрутов отправляли в Барнаул, там они жили дѣн двенадцать, пока не разгоняли по рудникам и заводам.

Сказывал отец-то:

— Дали нам, рекрутам, по пуду муки на душу. А у меня ещё свой был крестьянский запас: калачики. Я её и продал, муку-то — случилось после крещенья.

Квартальный меня ударил:

— Ты, говорит, зачем казѣнным провиантом торгуешь, крестьянское брюхо?

Я смолчал. Ну, ладно. В пост погнали нас на площадь, где демидовский статуй. Поставили в строй по сто пятьдесят человек, двумя шеренгами — друг против друга. Так стояли: один солдат, один старый бергал, один рекрут, потом опять солдат.

Мы, рекруты, ничего не знаем. Спрашиваем старых бергалов:

— Это что будет?

— Грешника будем наказывать.

Тут подходят нарядчики, дают каждому вершинку, палочку.

— А ну, бери, крестьянское твоё брюхо! Да не так, прямо держи!

Ведут солдаты человека в простой лопотине. Священник суёт ему в зубы крест. Обвязали его канатом вокруг пояса, другой конец привязан к деревянному столбу. Сняли с него лопотину, солдат сказал:

— А ну, шевелись!

Он:

— Ох!

Пошёл вдоль рядов. Тут барабаны играют. Тянут его канатом на восток. Бьём его вершинками по хребтине.

Полгораста раз пробили, тянут его голого, кровь на нём застывает. Жалко! Я свою палочку надломил. Сзади меня по затылку ка-ак брякнут!.. Нарядчики стояли позади строя, глядели. Сейчас же дают мне другую вершину:

— Бей! Не будешь — самого сквозь строй поведём! Чо делать! Бью. Он итти не может, упал, его всё тянут канатом, волокут. Мы сверху бьём. И барабан перестаёт, наказание кончено. Подъезжает лесина на саночке, канат отвязали, кладут его на лесину. Он уже не шевелится. Отвезли в сторону, солдат сдёрнул с него шапку. Стали в шанку деньги бросать, у кого сколько есть. Полную набрали. Я бросил всё, сколько было у меня.

В казарму повели, я спрашиваю старых бергалов:

— Это что же такое?

— Они оглядываются и говорят:

— Это николаевский строй.

Из рекрутов отправили меня в Локтевский завод. Послужил там. Дерут безвинно многих. Одного подрали, потом перегоняют в Белоусовский рудник. А я с ним сменялся — пускай гонят в Белоусовский: Бобровка-то рядом. Его оставили. Меня погнажи. Начальству всё равно

В Белоусовке квартальный был сухонькой, кулачки маленькие, жёстки. Бегу робить, колокол бьёт начало работам. Он меня встречает:

— А ну, возьми шапку в зубы!

Я взял. Он тычет кулачком сквозь шапку. Я не шатнулся.

— Ах, ты крестьянское брюхо!

Тычет второй раз в живот.

— Нет, видно, крестьянски кишки не выбешь.

Тычет в спину.

— Ну, иди. Да не опаздывай!

У нас руднишный пристав был немец Зек. Любил драть команду без пути.

Лозы были берёзовы, в двух местах перевиты, на кончике — пучок из конского хвоста.

Один раз Зек сказал:

— Собрать команду, и женских, и малолетков. Греться! (Сам усы дёргает).

Разложили бергала Шумихина, чембары до коленников спустили, двое держат за руки, двое — за ноги. Вкатили пятьсот. Один пожалел, не стал бить. Ему тоже вкатили пятьсот. Обоих — в лазарет, поместили рядышком. Оба и померли в лазарете через год, рядом их схоронили.

Это всё — про отца. Скажу про себя. Когда вышла воля, меня ещё не было. Вот родился, стал подрастать. Рудник был кабинетский, а робили уже вольные.

Уставщик был Иван Иваныч, из благородных, из кабинетских. Нос у него пропащий — дыркой. Руду держали в каменной архиве, где теперь аптека. Пять замков было на ней, пять печатей, тринадцать солдат стояли. Кабак был около сопки. Бергалы всё пропивали с горя. Сколь заробят — пропьют. Заведут лошадей — пропьют.

Иван Иваныч тоже был пьяница. Вот стоит на колесе около шахты. Подъезжает бергал на лошади — робить. В колокол уже давно пробили.

Иван Иваныч кричит:

— Не проспался? Глаза красные, бешена собака! Робить не допущу, рассчитаю, бешена собака!

А тот ему:

— Я вам, господин уставщик, чарку оставил.

— Оставил? Давай, давай. Ну, иди робь.

Одна полкоманды не вышло робить. Он кричит:

— Рассчитаю бешеных собак!

Бабы молят:

— Помилуйте, Иван Иваныч.

— А сколько было выпито?

— А столько-то вёдер.

— А мне чарку оставили?

— А как же, Иван Иваныч! Оставили!

— Пускай робят.

Так они робили всё хуже да хуже. Пристав был злой,

хотели его кирпичом зашибить. Кто-то (из Мосеевых будто) кирпичом ему бросил в окно. Не попал в пристава. Так и не дознались, кто бросил. Он пришёл на раскомандировку, говорит:

— Вы меня не убили, так я вас убью!

И стал закрывать рудник. С пустой породой руду мешал, хорошие забои приказал заложить пустой породой — выходу не стало.

Прошёл слух — закрывает. Я тогда был молодой, сила была. Нанялся жить к Меновщикову на прииск. Меновщиков держал восемь приисков по всему Алтаю.

Этот Меновщиков Андрей Савельич никому не верил. Сын у него лавкой правил — ему не верил, родной жене Дарье Петровне — не верил. Рабочим — не верил.

И всё ходил, и всё смотрел. Не знал покою.

Бил по лбу. Как по лбу ударит — человек с ног падает.

Я у него был шорник. Приходит в шорню, хлоп меня по лбу, я упал. А за что — до сих пор не знаю.

И всё ходит, и всё смотрит. В шорню заходит, в кузню, в контору, в лавку.

Жил я у него три года. Вернулся в Белоусовку — рудника нет, кабинетское начальство прикрыло.

Старички-берггалы стали разбредаться по деревням. А их крестьянский мир не берёт.

— Вы — берггалы, ступайте в рудник, там живите.

Они просят:

— Позвольте поробить по крестьянству: рудник прикрылся.

— Жить — живите, а нет вам ни земли, ни травы.

Даже на телегу накосить не давали: — Нет вам ничего!

Поглядят, поглядят, да и по рудникам, на работу: которые рудники ещё не прикрылись.

И говорили крестьяне-то:

— Вы — берггальские обрывки, криволуцкие обрывки, у вас Бычков с Криволуцким бегали.

А я стал жить в Белоусовке, на медведей ходить, пчельник у меня.

Теперь вот гляжу, дивлюсь: экий рудник тут устроили! Наши деды так не робили, демидовщина не робила. Все сопки перекопали.

Тут сокровищ нашим сынам и внукам хватит. Молодцы, ребята!

Словами «обязательное время» потомки мастеровых обозначают крепостнический период, горно-военный режим в Алтайском округе.

Находящийся на старой центральной площади в Барнауле памятник столетию Кольвано-Воскресенских заводов потомки мастеровых называют «демидовский статуй» или «демидов столб», в связи с упоминанием в надписи на памятнике имени Демидова, первого хозяина алтайских и уральских заводов и рудников, после которого заводы Алтая перешли в собственность царей.

Командой назывался каждый коллектив рабочих на царских рудниках, приисках, заводах Алтайского округа.

«Без пути» — без вины, беспутно, неосмысленно.

Чембары — штаны из дмотканного холста.

Криволюцкий, Мосеев — легендарные бунтари, беглецы (см. легенду о Криволюцком).

КАК ВЕЗЛИ КАМЕНЬ ЦАРЮ

Я бурщик был, робил на Коргоне. Камень ломали — серо-фиолетовую яшму, копейчату яшму. Получал я пятьдесят копеек в день. Положено было в день по восемь вершков выбивать. На Коргонской каменоломне гора была — называлась Тигра. Ещё белоусовской работы гора.

В 1887—88 году мы там монолит вынули из стены — в кубическую сажень монолит. Это на памятник царю Александру Второму.

В марте 1888 года 500 человек набрали по деревням: через полицию набирали: если два брата — один иди. Они эту махину и тащили на себе по покатам из Ревневской. На лошадях не взять было — лес там непроходимый. Сначала на Гольцовский прииск, потом через Змеево на Чарышскую пристань. Больше месяца тащили. Там уж лета дождались, пошли дальше водой.

А тащили так: на лямках по два человека. Покаты были нарублены. Управляющий выдумал катить камень, как вьюрок, — он в бочонке был в деревянном, чтобы не повредить. На седлину вытащили по покатам, а потом Злобин Павел Андрейч выдумал катить его, как вьюрок. Камень и встал. Невозможно катить — снега в марте глубоки. Стали подкапывать — где там, бочка в снег ушла. Вьюга, пока возились — народу обморозилось страсть!.. Едва управились.

На камне шишка была, из бочонка торчала. И сидел на камне мастер Агафон Мурзинцев покойный, глядел за шишкой, чтобы не повредить, не поломать. И кричал:

— Ровнее вези! Шишка прямо!

Где лес не позволял тащить, — вырубали, просеки делали:

В Петергофе из этого камня сделали памятник Александру Второму. Говорят — и сейчас он стоит. Вот как для него заставляли робить.

Старинная Коргонская каменоломня находилась в 160 км к югу от горной Колывани (Алтайский край), на реке Коргон.

«Белоусовской работы гора» — Белоусовы — знаменитые слачи крепостнического периода. См. ниже легенды о них.

Ревневская каменоломня находилась в 46 км, а Гольцовский прииск — в 40 км от Горной Колывани.

НЕ ЧУЯЛ БОЛИ

Были удаляшши, — сказывал отец. — Такого дерут, а он спичку в землю тычет. Не чуял боли.

Сколько раз Павина драли, а ему нет ништо. Семья у него была велика: провиант стали давать два пуда, кормить нечем семью — он по казённым амбарам лазил. Был судим военным судом — работать ему без выслуги всю жизнь.

Едва живой, старый, а всё робил. Из-под него таскали руду, он молотком кое-как чикал.

Приехал горный генерал:

— А, Павин! Ты ещё жив!

— Душа не в постоянном живёт, с пятнадцати не вынешь. Иди, пока цел, стрёли ты в утробу!

Генерал руку поднял — ударить, да плюнул и пошёл. Резону не было наказывать — он боли не чуял.

В словах Павина — своеобразное метафорическое выражение жизнестойкости, упорно сопротивляющейся всем невзгодам. Пятнадцать ударами розгой, налагавшимися за «непочтение к начальству» его, Павина, жизни не лишит. «Душа не в постоянном живёт», т. е. не на кратковременном постое, а весьма оседло обитает в его теле и не собирается с ним расстаться.

«Стрёли ты» (тебя) — брань старых сибиряков.

БУНТЫ НА ТАЙЛАХ

Отец мой, Колокольцов Евстафий, дожил до почтенных лет. Был он человек с положением: полторы тысячи розог носил на спине!

Был он природный мастеровой. Мать принесла его на загорбке в корзине на Егорьевский прииск.

Обязательные мастеровые, они хлеб не сеяли. Раз послали команду золото искать, и отец там был, в команде. Увидел он полоски хлеба и говорит:

— Вот, молодчики, как красиво трава растёт!

Мастер был по названию Змея, заведывал горой. Всё бегал, смотрел, кто как робит. Отец урока не выполнил — мастер его правилкой ударил. Отец кайлой замахнулся. После старики говорили: Евстафий бы Змею заколол, да тут попала носилка, он об неё запнулся и кайлом в спину Змее угодил. Дали за это восемьсот розог. Целую зиму ему из тела занозы вытаскивали.

Он говорил, помню: когда розгами бьют — будто берёзу жуёшь, во рту корой берёзовой отдаёт. До самой смерти спина у него была как разрисованная — я в бане видел.

И сослали его после наказания на Тайлы. Самое глухое место было, тайга непроходимая, двадцать пять вёрст от Егорьевска, на краю света.

А там урки были тязкие. Землю из разреза таскали на высокую гору. Построили новые амбары, хлеб сгорел, получился комок — есть невозможно. Чтобы его приготовить — в ступах нужно толочь. Получается зелень, пыль. Одежды не было, тело обмазывали дёгтем, чтобы меньше садился гнус. Повода лошадям делали на шесть вершков, никак не длинше, чтобы рабочий от лошади не отходил ни на шаг, отдохнуть не присел.

Делали побегу, потом зачали бунтовать.

Разбили полустанок, по улице ходили, кричали:

— Не хотим робить.

Выезжал туда сам управляющий Фрезе. Выстроил всю команду шеренгой — через двух третьего драть. Бунтовал, не бунтовал — драть. Тут отцу и выпало счастье получить ещё 500 розог по этой очереди. Стоял он через двух третьим.

Когда команду передрали, мастер Змея и говорит:

— У нас, ваше высокоблагородие, не все драны: ещё два борова в стогу лежат.

— А кто такие?

— А смелые ребята: Дранишников Фрол Иваныч (кличка ему была Боров) и Егунов Николай Михалыч (по кличке Ворон). В стог запрятались хотят отлежаться.

После Фрол Иваныч сказывал: — вытащили нас из стога, да и попоролы «за смелость». Ох, попоролы! Награда такая вышла за смелость, за отчаянность.

И в ту же ночь у Змеи корова зарезана оказалась. Побежал Змея к управляющему, показал опять на Колокольцова. Дали отцу двести вдобавок.

Прошло сколько-то времени. Дядя мой, Колокольцов Илья Филиппыч, был забойщик. Повода у лошадей полагались шибко короткие — шесть вершков. Дядя прутьев нарезал, нарастил, сделал вожжи. Стало сподручнее.

Нарядчик Жаба приехал на промывку, вожжи увидел — дядю правилкой побил за вожжи. Илья Филиппыч парень был молодой, не стерпел. Поймал Жабу за ворот, хотел в машину спустить, где грабли ходили, чтобы его, гада; с песком растёрло. Рабочие не дали — пожалели Илью Филиппыча, была бы ему за нарядчика смерть. В конторе дали дяде 500 с примочкой: мочили розги в солёной воде. И оставили его в конторе: будет, мол, тебе ещё.

На разрезе с дядей тридцать человек робили. И взбунтовались из-за Ильи. Артель была — друг за друга стояли. Пришли в контору, кто с кайлой, кто с лопатой. Кайлами гремят.

— Выдайте нам Илью!

Конторские солдат позвали — был взвод солдат.

— Разогнать! Стреляйте!

Солдаты стрелять отказались. Они видят, что безвинно, что люди правые.

Бунтовщиков потом разослали по разным приискам, ещё дальше в тайгу. И дядю услали, Илью Филиппыча.

Егорьевский прииск — один из стариннейших, существовал там, где теперь находится село Егорьевское, Маслянинского района, Новосибирской области.

Урки тяжкие — уроки тяжкие, т. е. нормы выработки непосильные. Фонетические особенности говора русских жителей южной Сибири.

БАТЯ ОЛЕНЬ

Отец сказывал:

— В обязательное время вечерки тоже бывали. А я был охотник до вечорок. Промешкаю, на раскомандировку

прибегу, когда уж в доску ударять. Инструмент был общий, казённый инструмент, кому что достанется. Ну, прибегу, а инструмент уже самый плохой остался, все разобрали. В забое высмотрю кайлу чужую, схвачу её, да как зачну махать — сажень кругом. Никто не мог за мной угнаться.

А это верно, он уж, батя-то, старый был, а всё не могли угнаться. На Красановском прииске мы с Алёшкой Бодягиным на пару нагребали в бады, а батя один управлялся. Возов 12—15 накидает — ему хоть бы что, а у нас двоих столько нет.

Вот удивительно! Откуда сила бралась? Чего они, обязательные, ели? Провиант гнилой, муку ломами били. Только и была у них надежда на баб. Уйдёт баба на всё лето в деревню, по крестьянству подсоблять, заробит к осени хлеба пудов десять.

День и ночь баба зарабатывала на пропитание себе, ребятишкам и мужику своему — обязательно мастеровому. Тем они и кормились, а казна мало давала.

Сказывал отец:

— Робили мы на Тайлах спусковую канаву в 1855 или 1856 году. И так мы на канаве, на мерзляке робили, что гульные недели с рабочими смешались. И отдыха никакого. В воскресенье зовут в контору.

— Конев!

— Я Конев.

— 25-го урок не сробил, 26-го не доробил, 27-го не сробил.

На счётах бросили.

— Дать ему 25 да 26, да 27. А всего тебе, Конев, 78.

Семьдесят восемь розог батя тогда получил.

Батя, он был смелый, нарядчикам не спускал обиды. Один раз урок задали — кругом, по нынешнему сказать, кубическая сажень. Он начал кайлой махать — вот тебе кубическая сажень.

Подходит нарядчик, у него правилка железная. А в правилке — полтора вершка больше казённой меры.

— Ну что, Конев, сробил?

— Так точно, сробил.

Нарядчик смерил своей правилкой — полтора вершка не хватает до сажени. Батя свою сажень поставил — в акурат. Нарядчик опять правилку ставит — нет полуторых вершков, да и только!

— Не сробил ты, Конев, урок. Драть буду.

Батю зло взяло. Все знали: у нарядчика правилка с обманом. Только нарядчик отошёл — батя размахнулся и свою сажень кинул в него. Угодил по щеке. Он и пал, нарядчик-то, где шёл, там и пал.

Батя — бежать. Канавка была — аршина четыре — перескочил махом.

С тех пор его Оленем и назвали.

Забегал в тайгу, пробегал с полмесяца. Есть нечего, ягодой сыт не будешь. Отощал.

Пришёл обратно на прииск. Семьсот всыпали. От головы до ног искрестили всего. Руки потом отнимались, да ничего, отлежался всё-таки в лазарете.

Из лазарета выписали и дали бумажку: освобождение от работы на столько-то дней. Пошёл он с этой бумажкой к приставу:

— Ваше благородие, не могу робить!

Он на батю — зверем.

— Как не можешь? А нарядчика ударить мог?!

И — стукнул по щеке.

Батя опять не стерпел. Хватанул пристава за грудь. Порешил бы его, да там двери были двустворчатые, он за двери как-то зацепился, его одной половиной прикрыло. Вырвался. Барыня, жена приставская, крик подняла. Сбежались люди, скрутили.

Был ему военный суд, и дали бы полняк — загоняли бы сквозь строй насмерть, но тут вышла воля. Манифест прочли. Новый пристав приехал, батю выпустил из кутузки.

Я тебе всё говорю с его слов, как сказывал батя. Вот он какой был, батя Олень! Робить здоров и ничего не боялся, шёл за правду.

Обязательное время — см. примечание к тексту «Ока-янский николаевский строй».

Удары в доску — сигнал к началу работы.

На речках, носящих общее название Тайлы, в предгорьях Салаирского горного кряжа, добывалось с 1830 года рассыпное золото.

Гульная, то есть свободная неделя, полагалась алтайским горнорабочим после каждых трёх недель непрерывного труда по 12 часов в сутки.

Образ бати Оленя чётко выражает огромную жизнестойкость, энергию, умение быстро и ловко работать, а вместе с тем — стихийный протест, стремление к воле старых сибирских горнорабочих.

БЫЛ МАРЬЯ — БЫЛА И СЛАВА

При управляющем Фрезе сделался бунт рабочих в Егорьевске.

Построили команду шеренгой, драли с первого до последнего — тут уж третьего не отсчитывали.

Был Иван Васильич Русаков, ему кличка — Марья. И он в шеренге стоял. До него дошла очередь.

— Выходи!

Он вышел, да не на лобное место, а повернулся и пошёл к своему дому. Нарядчик Жаба закричал:

— Ты куда?

— Я не могу.

А сам идёт к своему дому. Жаба кричит:

— Вернись!

— Марья заскочил в свой дом и заперся. Доложили управляющему, что Марья делает бунт, не подчиняется законам. Фрезе дал приказ:

— Взять и выпороть как следует.

Писаря, нарядчики, мастера подошли к русаковой хате, а он из окна говорит:

— Не заходи в хату! Зарежу!

И махает ножом.

Что делать? Принесли багры, стали доставать его из хаты баграми. Раскрыли крышу, зацепили Марью багром, а он отсек багор ножом.

Драньё остановилось, люди стали из шеренги расходиться, смотрят, как Марью баграми достают. Ничего не выходит. Не могли его взять. Всё тело изорвано у него баграми, кровь бежит, а не могут взять: ножом отсекает.

Видят, что дело дрань, вызвали солдат. Дали солдаты залп, — да все пули мимо. А Марья кричит:

— Вы меня не пугайте, стреляйте лучше! Живого не возьмёте, возьмёте мёртвого!

Доложили Фрезе. Он приказал:

— Взять не мёртвого, а живого.

И когда уж Марья от ран обессилел — всё тело было изорвано — захватили тремя баграми и вынули через крышу. Надели на него тройные железа. И отправили из Егорьевска. Где он принял смерть — неизвестно.

С тех пор стали у нас говорить: — Был Марья — была и слава.

МУЧИТЕЛЬ ФРЕЗЕ

Дядя мой, матери брат, Гусельников Пётр, был у Фрезе, управляющего, первейшим кучером. Без него Фрезе не ездил никуда. По Полдневской горе (это метров 300—400) на тройке — во весь опор, чтобы его к парадному крыльцу егорьевской конторы представить. Не кони были — звери. Никто не мог с ними совладать, один Пётр Гусельников.

Раз Фрезе из Барнаула приехал. Хватился — нет кушака и книги. Тотчас посылает за Петром.

— Петруха, где книга и кушак?

— Не могу знать.

— Как не можешь знать? Ты потерял или себе взял. Повинись.

— Я не виноват.

Были тогда свечи макальны — намаканы в сале. Свечу зажгли. Фрезе говорит:

— Коль не повинисься, буду тебя драть, пока не сгорит свеча.

Свои люди побежали к дядиным родителям.

— Ой, батюшки, Петруху дерут, пока свеча не сгорит.

Бабка причитает, богу молится-крутится... Дед мой как раз по сено уехал. Время идёт. Петра всё дерут.

Вот приехал дед. Два раза уж из конторы прибежали.

— Гусельников, иди в контору, сына дерут.

— Да у меня сено не смётано.

Стал сено метать. А в конторе свеча горит, сало — кап, кап, кап... Фрезе усы кусает.

— Петруха, повинись!

— Не виноват.

— Дайте ему ещё!

Бабка деда просит:

— Иди ты, Христа ради, в контору, задерут Петруху.

А он отвечает:

— Сперва дай поесть.

Вот наелся, тогда уж пошёл. Свечи немного осталось, Фрезе усы жуёт.

— Повинись Пётр!

— Не виноват.

— Крепче! Реже! А ты зачем, старый пёс?

— Вы с моего быка кожу снимаете, так я пришёл мясо подобрать.

Дядя услышал про быка. Вскочил да схватил управляющего за грудь. Шинелка на Фрезе была внакидку, он вывернулся, шинелка у дяди в руках осталась. Огарок задела, погас огарок.

Сослали дядю, едва живого, в тайгу, на самый далёкий прииск. Поехал опять Фрезе в Барнаул. Остановился в гостинице. Хозяин говорит:

— Оставили вы в прошлый раз кушак и книгу. Извольте получить.

Приезжает управляющий обратно, дядю вызывает и даёт ему за всё мучительство десять рублей.

СТАРУШКА И ПРИСТАВ

При обязательном труде была в Егорьевском бабушка — всё знала. Вот пристав Богословский её и зовёт.

— К чему, бабушка, эта заря?

— А к непогоде, дитяtko, к непогоде.

На другое утро — погода разлюбезная! Только с девками гулять! Управитель позвал старуху, велел ей выспать за враньё. Под вечер опять её зовут. Кости у ней после дранья разломилlo — едва дотащилась.

— Ну, старуха, к чему эта заря?

— А к хорошей погоде, ваше высокородие, к хорошей погоде, драть не извольте.

Старуха всю ночь не спала — боялась. Утром дождик пошёл. Выспали её за враньё. Она уже невестке сказала смертную рубаху приготовить. Взяла свечку в руки, легла помирать. Зовёт её Богословский в третий раз. Положили старуху на телегу, так и привезли — со свечкой.

— К чему, старуха, эта заря?

— А к дранью, батюшка, к дёру, милый?

Тогда уж Богословский не стал её драть.

ЛЕГЕНДА О БЕГЛЦЕ КРИВОЛУЦКОМ

АРХИРЕЙСКИЕ ТЫСЯЧИ

Беглец Криволуцкий был на славе. Он на жителей не нападал, он брал с казны для всего мира.

А в Белоусовском руднике Банщикoв был вор. Он худой жизни был вор, такая им жизнь была, бергалам:

у крестьянина в гумнёшке соломки возьмёт, свою скотину покормит. Говорили: вор.

С Криволуцким бегал Мосеев. Говорит раз Криволуцкому:

— Вот в Белоусовке вор Банщиков.

— Какой вор: он соломку берёт. Разве это вор! Вот мы с тобой сделаем воровство: вся Томская губерния с голодухи пропадает, а мы спасём.

Побегали они. Криволуцкий ночью к руднишному приставу забрался, пистолет наставил, одежду его взял, оделся — будто пристав.

Побежал в село, к становому.

— Собирай народ. Буду деньги раздавать. Которые голодные — тем деньги: казна дала, царь велел.

Народ собирается, он даёт. По тридцать рублёв, по сорок, по пятьдесят на душу даёт.

И в другом селе даёт. Народ говорит: это да! А начальство уже смекнуло и давай его преследовать.

Под Змеевым поймали. И давай его судить.

— Ты, Криволуцкий, где деньги взял?

— А в городе, в соборе. Там сорок тысяч было, в ящике лежали. Сколько людей голодует, а деньги лежат, архиерей спит на ящике. Мосеев его за рясу стащил, архиеря-то.

Судья судит:

— Куда ты деньги девал?

— Половину народу раздал, а половину себе на разгул оставил.

Засудить его засудили, да кандалы не держали. Потом опять бегал.

Старик у нас был, Бычков Николай Николаич, пять лет как помёр. Мальчишкой он коней пас, так его Криволуцкий взял с собой бегать. Сказывал Николай Николаич:

— Бежал он на одной лошади, я — на другой. Ежели речка саженьей пять — он сразу перемахивал. Вот заедем в укромно место, в яр. Криволуцкий говорит:

— Ну, я лягу, ты охраняй.

Как захрапит — под ним земля ходит. Вес в нём был с одной рубахой — семь пудов семнадцать фунтов.

А в Белоусовку погулять ездил. Наши его не выдавали.

Фамилия, вернее прозвище героя легенды, происходит от слова криволучье — излучина реки. С тем же значением употреблялось и

другое слово — локоть; отсюда получил свое название Локтевский завод, основанный в 1783 году на излучине реки Алей. Криволучский — человек из Криволучья, с Локтевского завода.

Белоусовский рудник — один из стариннейших рудников Южного Алтая, был основан в XVIII столетии неподалёку от г. Усть-Каменогорска.

Змеев рудник и посёлок были основаны в 1732 году, теперь г. Змеиногорск, Алтайского края.

ЛЮДЕЙ ПОЖАЛЕЛ

Криволучский, Мосеев тоже, удалы были, бесстрашны. Проходила слава: свинец их не берёт. Скоро поймать не могли.

Ловили здесь, в руднике, в крепостное время, при управителе Зеке. Они к мосеевой жене забежали, а кто-то и сказал квартальному. Команда в тридцать душ стала их брать. Они вылетели из дому бегом, те — за ними...

Где Михалка Поляков живёт — наша речка Глубочанка-то широка. А речки их не держали. Криволучской смаху перескочил. Конь его на этой стороне остался, к лесине привязан (а он своо коня в попоне водил из поповской ризы), хвастал: конь у меня красивый, как поп. Ха-ха! Криволучский манит:

— Ну, ну, Мухортка!

Конь как рванулся — лесину с корнем выдернул. Мосеев поводок разрубил — так ремки на кусту и остались. Махнул конь за Криволучским, и Мосеев перескочил.

Команда рты разинула. Стали стрелять — пули не берут.

Через три года и три дня поймали их под Змеевым.

Криволучский из пистолета стрелял. Как стрелит — пять человек валится. Мосеев говорит:

— Не шевели, будет. Всех перебьёшь — бабы останутся. Малые дети.

Он и пожалел их, кинул пистолет:

— Вяжите...

В этом сказе ясно выражено душевное благородство героя: Криволучский сдаётся врагам, так как пожалел подневольных людей, гибнувших из-за него.

ОГНИ И ВОДЫ НЕ ДЕРЖАЛИ

Как вот был Криволуцкий. Его ни огни, ни воды не держали. Закуют — ногой тряхнёт — кандалы долой. Бедных не трогал, а богатого купца встретит — всё отберёт и накажет ему:

— Скажи, что Криволуцкий это сотворил.

Летом спасался в забоке, а где зимой — про то не знаю. Пошли мы по ягоды (я девчонкой была), черемушник был густой, не то, что теперь. Лес не такой был, как теперь: нынче сорока летит и то видать. Мама встала на колоду, давай воду лить. И говорит:

— Как бы его... (назвала по имени — отчеству, я уж теперь не припомню) не облить.

— Да вот, Авдотья Ивановна, я здесь! — вылезит он из-за колоды.

Батюшки!.. Тут и вши умерли.

Повёл нас к себе в яму. Яма у него — скатом, покрыта травой. Никак не узнаешь, что тут яма. Накормил. Ох, и накормил! Чего у него только не было!

Поехал он раз в Покровку (покровские-то горшки делали, на базаре продавали). На разломе попадается мужик с горшками. Полный воз горшков.

— Выставляй горшки. Бей их палкой!

— Да ты что, батюшка?!

— Бей! В деревне скажешь — Криволуцкий велел!

И даёт мужику за разбитые горшки сто рублей. А они и все-то пятёрку не стоили.

Высокого росту, коренастый был, белый... Лошадь у него — не лошадь, а искра! Раз шагнёт — и за Алеем!

З а б о к а — болотистый лес по берегу реки.

Тут и вши умерли — поговорка, выражающая высшую степень удивления или испуга.

Конь Криволуцкого перешагивает реку Алей, т. е. пространство в сотни метров. Желание успешного побега сочеталось с мечтой о лёгком преодолении расстояний. Эту мечту народных масс прошлого в иных образах выражают также ямщицкие легенды на тракте.

ПОМИНАЙ ДОБРОМ

Раз Криволуцкий в дом заходит. Хозяин с хозяйкой за столом сидят. Криволуцкий говорит:

— Ну, Авдотья, собирайся, поедем.

Она мужа бросила — и за ним! Хозяин слова не сказал, из-за стола не вышел.

А поймают Криволуцкого, закуют — железо не держит. Ногой тряхнёт — и всё!

Лошадь, если возьмёт у кого — отправит обратно. И сама лошадь приходит к хозяину, за сколько вёрст не уйдёт.

С богатыми мужиками не делится, свою половину беднякам отдавал. С бедными у него разговор был один: — Ну, брат, прости.

Какой бедняк ему попадётся, нет на нём ничего, — одёжу с себя снимет, отдаст.

— На, брат, поминай добром.

Вот как его брали. Пристав полиции да заводской кондуктор тишком подъехали брать его в балагане (а он на покосах спасался). С ними — казаков тьма. Он вышел навстречу.

— Это что за войско? Эх, вы! Молите бога — Бурушка у меня вон там ходит (конь у него был бурый), а то бы...

Вытащил шашку, кинжал, положил.

— Ну, берите, не бойтесь! Да зачем войско! Вы бы, благородие, в одиночку приехали, я бы с вами повоевал.

Заводской кондуктор — низший чин заводской администрации.

НАВАРЕНО И НАПЕЧЕНО

Криволуцкий обирал богатых мужиков. Бедных не трогал — нет! А богатым: «Отворяй ящик» — и всё.

У нас сосна была, где Гусевская мельница. Он под этой сосной яму вырыл, с конём жил в яме.

Озёрная Кузнецова была на славе, там были тузы мужички. Вот приезжает он.

— Ну, деньги есть, Митрий Затеич? Отворяй. Вот это тебе, а это беру себе.

Он отцу Шилыгина Василия Митрича дом построил на такие деньги. Грабежом Криволуцкий не занимался, он силу выказывал.

Я видел — Криволуцкого в волость вели. Миру собралось — черным-черно!

Он и говорит (я сам слышал):

— Коня отведите на корм, а меня завтра здесь не будет!

И верно — ушёл. Каталажка его не держала.

Его отцом у нас называли. Он старый был, седой. Его все знали, ему везде наварено, напечёно. Отец.

Имел колдовство. Река не держала, огонь — тоже. Пуля его не брала. Всю жизнь куражил.

Своей смертью и помер. Поймать не могли. А ещё так говорили: старый солдат застрелил его медной пуговкой.

Село Кузнецово в 43 км от станции Пospelиха.

Медная пуговица — так же, как и в преданиях о Лиханове на сибирском тракте и в легендах о других бунтарях, — отголосок фантастических представлений.

РЕБЯТАМ ПОМОГ, А САМ ПОГИБ

Криволицкий — он вот какой был человек. По улице едет, видит в окно — ребятишки в избе играют — одёжа плохая, тело видать. Ну, он к окну подъедет, бранится, бранится:

— До чего ребятишек довели! Ну, управители!

Как стемнеет — он в то окно стучит:

— Так вас и так, я ребятишкам рубашек нашил! Берите! Выйдут из избы — и верно: рубах лежит гряда. А Криволицкого и след простыл.

Замки его не держали. В любую лавку зайдёт, наберёт ситцу и раздаст ребятишкам.

Раз поймали. Говорят:

— Мы тебя закуём!

— Вот и хорошо, кандалы ещё не нашивал!

Повели в кузницу заводскую.

Дали ему стульчик:

— Садись!

Мальчишка пятнадцати лет заклёпы ладит. Криволицкий ноги протянул. Мальчишка один раз ударил.

— Бей ещё по другому разу, — говорит Криволицкий.

Мальчишка отвечает:

— Мой дед ковался — один раз бить наказывал!

Криволицкий туда и сюда — нет, кандалы держат крепко. И увезли его неизвестно куда. Так отцы наши сказывали.

В этом сказе, как и в двух предыдущих, излагаются разные варианты гибели Криволуцкого. Несмотря на всю свою отвагу, ловкость, и даже сверхестественные свойства, герой легенд всё-таки гибнет. Силам государства эксплуататорских классов бунтарь-одиночка противостоять не мог; старые горнорабочие наблюдали это в жизни и отразили в своих преданиях.

ЛЕГЕНДА О БРАТЬЯХ БЕЛОУСОВЫХ

ЗА ОТЦА

Белоусовых наказывали на Пригонной сопке. Были они знатные беглецы, осилки были, двенадцать братьев. Старшего звали Вагуска.

Они камень ворочали — на ногах кандалы по пуду, а каждый вывернет глыбу в сто пудов, на плечо вскинет и прёт — с Чарыша в Қолыван, сотню вёрст. А в Коргоне Вагуска лом железный воткнул в трещину скалы — на двадцать пять пудов лом.

— Память вам оставлю про Белоусовых!

Лом и теперь там.

С одних бегов кое-как взяли волостью. Приехал в Змеево горный начальник — дело разбирать. Ходит, везде смотрит. Заходит в секретную.

— Почему решётки поломаны? Что такое?

— Ваше превосходительство, у нас Вагуска решётки поломал.

Горный начальник был горяч, ногами затопал.

— В кнуты!.. В Барнаул!..

А Вагуска и говорит:

— Не хвастай, баба, широкой!..

Как ночь пала — ушли Белоусовы. Кандалы унесли, решётки унесли, лошадей увели у начальника.

Стали опять бегать в горах. Взять их никак нельзя. Начальство думало, думало и придумало. Взяти их бату, драли кнутом. Шибко драли. И говорят:

— Пока сыны не сдадутся — будем драть.

Вагуска и говорит братьям-то:

— Отца жалко. Пойдём за него страдать.

Сдались, повинились. Наказывали их на Пригонной сопке. Весь народ собрали. Все плакали. Тут им был конец.

Осилки, усилки — самые сильные люди, которые могли осилить, одолеть всех остальных.

ЗМЕЙ УБИВАЛИ И В УПРАВИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЛИ

Старшой Белоусов на покосе змея убил. Змей-то вышел и лёг на каменную плиту. Белоусов не струсил, топором его — раз! Хотел башку отсечь. С одного раза не отсек. Змей проснулся, да как чихнёт — искры полетели. Ещё ударил — змей засвистел, завыл. С третьего раза отсек ему башку.

Змей хоть безголовый, но живёт. Обхватил его хвостом, давит, вырваться нельзя.

Белоусов кричит:

— Братухи, скорее!

Братья прибежали, народ сбежался. Едва отцепили змеинный хвост. Голову змеиную накинули на кол — аршина три-четыре в ней будет — повезли в Колывань, песню запели. Управляющий Лаулин из окна глянул, удивился.

— Давайте мне голову в кабинет!

Велел сделать из неё чучело. Шибко понравилось ему это. Зовёт Белоусовых:

— Чтобы убить мне ещё трёх змеев! А то зараз задеру!

Те стали думать, запечалились. Где же убить трёх змеев, разве убьёшь?

Белоусовы были камнеломцы, ломали они все в одной каменоломне, крепко друг за друга держались. Вместе столь камня ломали, сколь сто пятьдесят человек наломать не могли. Были шибко дерзкие, могли спорить. Тогда велел управляющий разделить братьев — одного в одну каменоломню, другого — в другую. Думал, скорее трёх змеев убьют.

Белоусовы видят: дело плохое. Старшой Вагуска и говорит:

— Так — бежать и эдак — бежать. Змеи погубят нас или управляющий задерёт.

Ушли в горы. Управляющий ногами топает, погоню за ними отправил. Они — на конях, своих собственных, подстать им лошади были. Холзунский белок за Коргоном знаешь? Там на конях не пробежать, шибко круто. Так они пешим ходом забежали на самый камень и арканами коней подняли на отъёмы скал. А там — снова на коней. Казаки вернулись ни с чем.

Стали Белоусовы жить за Коргоном, в белках, и в дремучих лесах. А были они мастера на все руки. Кузницу себе построили, наделали зверовых ружей, длиннейших, на крупного зверя. Ствол делали на два аршина. Ни у кого таких ружей не было.

Согласились барантовать по деревням. Богатым мужикам от них было худо. Ежели кто в них стрелит — пулю в ладонь ловили, а то — в продол рубахи, через плечо бросали.

На Лаулина, управляющего, зло они имели большое. Старшой говорит:

— Убьём его, братухи!

И братья говорят:

— Убьём его, убьём!

Пошли к самому Колывану. Зверовое ружьё выбрали самое длинное. А у начальства близнецы были. Ну, конечно, в кабаках по деревням Белоусовы хвалились, ружьё казали. Лаулин от близнецов узнал про это. Те ему докладывают:

— Ваше благородие, прячьтесь!

Стали братья Белоусовы жить на сопке. Управительский дом — как на ладони. Глядят. Старшой говорит младшему:

— Давай, ты стреляй.

А тот:

— Нет, стреляй ты.

Пока они спорили, Лаулин в угольный короб залез. Манжетки белые были — стали чёрные. Согнулся, вот так съёжился, так вот дрожит весь.

Старшой Белоусов навёл зверовое ружьё, стрелил. Фабричная сопка затряслась, камни посыпались. Пуля в окошко — раз! — и в косяк, над самым столом, где всегда Лаулин сидел.

Так и не убили его, в коробе отсиделся. Ушли опять в белки. Взять их не могут.

Потом заступил другой управляющий — Злобин. Был суровый, ежели кто на работу опоздает — таскал за волосы своеручно. По его приказу Шипунова Ивана Фёдорыча задрали до смерти. Дерут, а Злобин сидит на балконе, сигару курит, наблюдает.

Фельдшер был — Худяшов Захар Григорьевич. Подойдёт, пощупает — тот едва живой, а его всё дерут. Говорит фельдшер:

-- Ваше высокоблагородие, довольно!

Управляющий курит, молчит.

Фельдшер не отстаёт:

— Довольно, довольно драть!

Злобин ничего не сказал, окурочок бросил, ушёл.

Шипунова на кошмах унесла в лазарет. Пока несли — кончился.

До семидесяти лошадей Злобин держал. Хорошие лошади, старозаводские. За лошадьми пастухи ходили, а над пастухами сударь был. А пастухи — они были начальству поперешные. А выпасы были на том месте, где теперь деревня Суеткина, Митрий Порфирьич Половинкин коней злобинских пас там.

Вот сударь раз говорит пастуху:

— Давай, прокати меня на Мухортке.

— Пожалуйте, сударь!

— Ты садись в седло, а я сзади — за тебя держаться буду.

Митрий Порфирьич погнал Мухортку, что есть мочи. У сударя армяк длинный, полы болтаются. Зацепился полой за сучок, повис. Орёт:

— Митька, стой, Митька, отцепи!

Тот захохотал и погнал Мухортку дальше. Сударь, как червяк на сучке, корчится, упал — хребет переломил.

Стали потом разбирать это дело — Половинкин от всего отпёрся: — Я, мол, не мог удержать Мухортку.

Тут Белоусовы опять пробрались на Фабричную сопку, стреляли в управительский дом. Злобину близнецы донесли так же, как Лаулину. Этот тоже в угольный короб залез, отсиделся.

Мастеровые со смеха животы надорвали: какой вышел закон — управителям в коробе сидеть...

Потом вышла воля. Конец обязательному труду. Как манифест на площади прочитали — Злобин и говорит рабочим (а сам даже зубами закрипел):

— Легче душе расстаться с телом, чем мне с вами расстаться!

Белоусовы ушли ещё дальше в горы и стопудовый лом в расщелине скалы оставили — в знак памяти. Лом и теперь в той скале.

Белок — вершина горы, покрытая вечным снегом.

Барантовать — от слова баранта, означавшего у кочевых азиатских народов междоусобную месть, вооружённый набег. Рус-

ские жители горнозаводских районов Алтая восприняли это слово от своих соседей — кочевых тюркоязычных племён, но рассказчиком оно употреблено в значении нападения на богатых, мести беглецов верхушечному слою русских деревень, который, обычно, был связан с администрацией царских рудников.

Б л и з н е ц ы — здесь в смысле: доносчики.

К о л ы в а н ь — Горная Кольвань, село в Змеиногорском районе, где находилась Кольванская шлифовальная фабрика, основанная в 1802 году, изготовлявшая известные изделия, из алтайских цветных камней, которые добывались в Чарышской, Коргонской и других каменоломнях.

Прозвище старшего Белоусова — Вагуска, Вагушка — от корня вага, — молотовище кричного молота. Старинный кричный способ изготовления железа на древесном угле требовал больших затрат физической силы. Даль в толковом словаре живого великорусского языка приводит поговорку: «своя вага — своя воля», отражавшую, повидимому, положение свободного ремесленника; но при горновоенном строе на Алтайских заводах закрепощённый рабочий свободным ремесленником стать не мог, воля достигалась только посредством побегов. Прозвище Вагуска означало, что: 1) Белоусов молотобоец; 2) он обладает большой силой, применяемой им для достижения воли в побеге и актах мести; 3) прозвище указывает на его большое значение, как самого сильного из двенадцати бунтарей, их предводителя, так как словом вага выражалось также понятие важности и значения чего-либо.

Легенды часто создавались на основе истинных происшествий, имевших место среди крепостных рабочих. Братья Белоусовы, силу которых преувеличила народная фантазия, действительно существовали: Н. М. Ядринцев, слышавший предание о них вблизи Коргона в 70-х гг. XIX века, пишет о встрече с ними одного из путешественников доктора Бунге в 1826 году (Н. Ядринцев «Поездка по Западной Сибири и в Горный Алтайский округ» в Записках Западно-Сибирского отделения русского географического общества, кн. 2, 1880 г., стр. 102—103).

О стрельбе в жестоких управителей, подобно нашим легендам, говорят некоторые предания Урала (см. сборник «Уральский фольклор» под редакцией М. Г. Китайника, Свердловск, 1949, стр. 163, примечание на стр. 277). Это является следствием сходства условий жизни горнорабочих крепостнического периода на Алтае и Урале, одинаковыми настроениями стихийного протеста, вспышками гнева и мести в тех и других местностях.

Отдельные бунтары и здесь и там стреляли в наиболее жестоких угнетателей, убивали их, но эти разрозненные акты мщения не могли улучшить положения массы мастеровых и крестьян.

С преданиями о силачах-мстителях в устной повествовательной традиции соединилась тема змеборства. Русским жителям южной Сибири был хорошо известен былинный эпос, в частности былина о Добрыне (см. «Былины и исторические песни южной Сибири», собрание С. И. Гуляева, Новосибирск, 1953). Легенда горнорабочих излагает борьбу Белоусова со змеей в сходстве с былинным поединком Добрыни со Змеем Горынычем; повторены такие подробности, как искры, рассыпаемые змеем, а также то, что змеиную голову надели на острый кол, понесли к управительскому дому — ко дворцу добрыниной матушки в былине.

Былинный эпос оказал влияние на легенды бергалов и камне-ломцев благодаря соответствию окружающей действительности некоторым его образом и сюжетам: как нами уже отмечено в комментарии к тексту «Иванова сопка», истребление змей на алтайских рудниках являлось повседневной чертой быта. Следует указать, что легенды о чудовищных змеях в сочетании с народными суевериями были распространены на Урале, где послужили материалом для широко известных литературных произведений П. П. Бажова («Великий полоз» и др.).

ЛЕГЕНДА О БЕГЛЕЦЕ СОРОКЕ

СКРЫЛСЯ, ПРОПАЛ

Отцам нашим и дедам жизнь была плохая, хуже некуда. В свободное время и то гоняли орешник бить. А не хочешь — подставляй руки, по рукам десятник лупил тростью.

Тальник теперь большой, высокий, а тогда был маленький; высоко ему не давали расти — срезали на прутья, гонять людей сквозь строй.

Сорока не стерпел, убил одного управляющего, фамилию не помню. Из ружья в окно конторы стрельнул.

Народ, как волна: куда захочет — туда плеснёт и смое, чего не надо ему.

Так и скрылся Сорока, пропал без вести.

Прозвище героя легенды связано с народными представлениями о сороке, как об умной, хитрой и осторожной птице, которую трудно поймать; она много знает, приносит людям новости — «сорока на хвосте весть принесла»; о проницательном и дальновидном человеке говорилось: «он сорочьи яйца ест». В салаирской и кузнецкой тайге эти птицы, с криком кружившиеся над тем местом, где укрывался тот или иной беглец, иногда помогали найти его, что в свою очередь способствовало распространению прозвища Сорока.

ШЁЛ ЗА СВОБОДУ

Сорока — мой отец. Три года мне было, когда я остался от него.

Он был из деревни Лучшевой — возле Кузнецка, поди, знаете. Он пошёл страдать за рабочих. На три месяца его посадили за то, что с казённого покоса к жене убежал. А из тюрьмы — он скрылся. И пошёл страдать. Есаулов был его товарищ верный. Помер отец, не знаю где, в бегах.

На третьем руднике слышал я от стариков: приезжал он к ним не раз и не таился. А не брали: тогда шли большей частью за свободу, и Сорока шёл за свободу.

Слышал я ещё: он был чеботарь. Управляющий дал ему жёлтой кожи сапоги сшить, а он сшил из той кожи сапоги рабочему человеку, а управляющему сделал из жёлтой бумаги. Тот надел — они сразу в дождь и раскисли. Ну, за такое смерть полагалась. И пошёл страдать Сорока...

Его семи лет в работы сюды забрали, руду крошить на конской шкуре. С ним Кадошников, одногодок, взят был. Вот ему Кадошников раз говорит:

— С высокой крыши тебе не соскочить.

Поспорили. Отец соскочил — цел остался. Или, к примеру сказать, лошади шибко бегут, он догонит и запрыгнет. И прозвали его Сорокой.

Мать про него много не говорила, только плакала.

Третий рудник — один из старинных рудников Салаира, основанных в конце XVIII века.

Чеботарь — сапожник.

Горнорабочие Алтайского округа в крепостнический период привлекались к работам с семилетнего, а позднее с двенадцатилетнего возраста. «Малолетки» разбирали, т. е. сортировали руду на конской шкуре, разостланной нередко под открытым небом. Этот обычай нашёл своё отражение в легенде, отсюда пошло и выражение, распространённое среди старых рудокопов этих местностей: «на конской шкуре вскормлен аржаными крохами».

ДЕНЬГИ НА ТРУБЕ

Сестра Сороки здесь у нас жила, в Гурьевском заводе. Говорила она про него:

— Вот была на Сороку облава, и взяли его в кольцо.

А он с шестом прыгал, с костылём. В дупло заскочил, повесился вниз головой. Три дня висел в дупле, так и не нашили. Потом вылез, туды глядит, сюды глядит — нет никого. Упёрся шестиком и в завод запрыгнул. Сестра здесь жила, так он прямо на крышу ей прыгнул. Положил на трубу деньги, камешком придавил. Утром она пошла по воду, смотрит — на трубе деньги лежат. Обрадовалась, понятное дело. Как эти деньги клал, то стали за ним следить. Заскочил он в Осиновку, там и убили. Осиновский кто-то убил, когда Сорока в лодке через Томь переправлялся.

В старину, кто шибко прыгал, про того говорили:
— Вот, однако, Сорока будет!
А ежели, мальчишка бойкий, говорили:
— Вот это сорочонок!

Гурьевский металлургический завод был основан с 1816—19 гг. и входил в состав Алтайского округа. Осиновка, теперь г. Осинники, к югу от Кузнецка, около 100 км от Гурьевска.

В прыжках беглеца — выражение стремления закрепощённых рабочих к свободе и мечта о быстром преодолении пространств. Образ лесовика, совершающего гигантские прыжки при помощи особых шестиков или «костылей», сложился на основе реальных особенностей быта населения Салаирского края и лесного Алтая. В этой местности, «черневой стороне» по терминологии русских старожилов (чернь — чёрный лес — тайга), было весьма развито умение пробираться через лесистые топи («рямы») и лазить по деревьям. Г. Н. Потанин писал о местных жителях в XIX веке: «Они как белки лазят по деревьям и, если нужно перейти на соседнюю лесину, то, чтобы не спускаться снова на землю, они раскачивают ветвь, на которой стоят, прыгают прямо на другой кедр и схватываются руками за его ветви. Искусство лазить здесь так развито, что во время масляницы молодые люди иногда взбираются на длинный шест, воткнутый в землю, и, несмотря, на то, что широкая вершина его делает размахи в две сажени, они достигают до конца». (Г. Н. Потанин. «Полгода в Алтае». 1864, стр. 69.)

КОПИЛ ДЛЯ БЕДНЫХ

Сороку убил Кадилов Михайла. Сорока возьмёт у казны и везёт к Кадилову пасечнику прятать. Он его медовухой поил. Напоил шибко, убил сонного, камни привязал к ногам и к шее, спустил в прорубь.

Сорока копил для бедных людей. А всё Кадилову досталось. Ещё больше разбогател, стал держать жеребцов вороных, по тысяче пудов мёду возил с пасеки в Томск — ямщиков нанимал. А бедным не досталось.

Это всё верно. Федьша Аксёнов пошёл лошадей поить на пруд к проруби. Оттепель была. Смотрит: оттаял человек убитый. Бегали смотреть со всего Гавриловского. Баба его признала. Оказался Сорока.

Никого Сорока здесь не обидел. Он для бедных копил.

Гавриловский завод был основан в 1793 г. Теперь село Гавриловское, Кемеровской области.

НА „ХОЗЯЙСКИХ“ ПРИИСКАХ

После реформы 1861 года, лишившей царские заводы и рудники в Алтайском округе дешёвого труда, при их технической отсталости, они переставали приносить прибыль и закрывались один за другим. Всё большее распространение приобретала частновладельческая золотопромышленность. Условия договоров найма (контрактов) между юридически «свободными» рабочими и хозяевами приисков носили резко выраженный кабальный характер, по сути дела, представляя собой копию принудительных условий труда на царских рудниках. Но рабочий, отработав срок по контракту, мог перейти от одного хозяина к другому. Протест приискателей проявлялся уже не в побегах, а в многочисленных массовых бунтах, позднее сменившихся стачками и забастовками. Легенды о беглецах, одиноких мстителях уже больше не создаются, вместо них распространяются реалистические сказы о выступлениях «скопом» — т. е. всем коллективом.

Забастовка 1905 года охватила прииски мариинской тайги. С каждым годом увеличивалось влияние политических ссыльных, попадавших на прииски. Когда вести о Ленском расстреле проникли в Кузнецкий Алтай, произошли новые забастовки, окончившиеся победой рабочих: администрации пришлось несколько увеличить сдельную оплату.

Вместе с мыслями о том, что бесчинствам классовых врагов надо положить конец, среди приисковых рабочих крепло чувство своего достоинства и силы. На этой новой ступени развития их сознания появляется в сказках образ смелой женщины. Приисковая работница не побоялась всемогущего начальства, иностранцев, презрительно и высокомерно относившихся к русским рабочим; защищая свою честь, она и самому исправнику, представителю царской власти, даёт отпор. В изменившихся условиях действия одинокого мстителя становятся ненужными и бессмысленными; этот образ сменяется образом рабочего, который поднялся на активную борьбу, под руководством большевиков установил в тайге власть Советов.

ПРО КАБОЛДАИХУ

Моя мать, покойница Аксинья Митревна, была не баба, а камень: велика, могуча. На двести шагов уйдёт — ни за что не догонишь. Ей уж сто пять лет сравнялось, а говорили:

— Вон Каболдаиха идёт, прямая, как свечка.

Отца её в Сибирь сослали: он про свободу говорил, а бары не велели. Он до Сибири не дошёл, на тракту в кандалах помер.

Как только контракт вышел, она жила в стряпухах у первого управляющего немца Горса Роберта Ивановича. Она силу оказывала. Удивлялись.

У машины крестовина была на двадцать пудов. Немцы говорят:

— Тебе крестовину сюда не принести.

И бились об заклад. Принесёт — значит ей платье кашемирово, ботинки козловы.

У них в сенях нужник был. Немец пошёл ночью в нужник, она принесла крестовину, подпёрла дверь, он выйти не может.

Немка, жена его, даже заплакала (а по-русски плохо говорила). Плачет:

— Кумка (это стало быть кума), открой. Робко хочет на волю!

Каболдаиха спрашивает:

— А платье мне будет?

— Дадим платье, открой!

Открыла.

Немка говорит:

— Ой, кума, пропадёшь! Это конём возить, а не таскать.

— Что мне конь? Я и коня унесу на загорбке.

Платье, ботинки давать не хотели. Говорят:

— Унеси обратно крестовину, тогда дадим. Не может машина робить без крестовины.

Унесла, ещё до света унесла. Думали, думали — дали, хоть и жалко.

Немец всё спрашивает:

— Как тебе чёрт помог?

Исправник Непрысов прибежал на конях, поглядел на неё, хотел залезть не в свою лавочку. Она не поглядела, что исправник. Со щеки на щеку зачала хлестать, села на него верхом, так и выехала из конторы верхом на исправнике.

Народу было дивное диво.

Он едва ноги унёс. Потом боялся. Как приедет — спросит сперва:

— А Каболдаихи здесь нет?

Вот Каболдаиха какая была, Аксинья Митревна!

ПОГАНАЯ КНИГА И ЦАРСКИЕ ПЛЕМЯННИКИ

Когда «воля вышла» — стали почаще бунтовать.

А на Ильинке шнур был. В работе во всю стенку шнур натягивали, заставляли отраблывать по шнуру.

Был обман.

Зачнём мерять — не выходит. Мы честью просили колышки набить деревянные, написать на них сколько по стенке, сколько повышения, сколько отбою. Колышки набили, да всё равно выходит неправильно.

Собрались командой, пошли к управляющему Янушеву:

— Ваше благородие, неправильно замеряет смотритель.

— Перемеряем!

Будто бы перемеряли. На другой день мы стали мерять — всё одно, выходит больше, чем надо, больше меры.

Собрались мы, выбрали двух старост. Пускай проверяют.

Много выходит, да и только!

Опять пошли к управляющему. Шумим:

— Неправильный замер!

— Перемеряем. Разойтись!

И всё так осталось, как было.

Подошло время, Янушев сделал мне расчёт. Пошёл я в Кузнецк наниматься.

— Не нужен.

— Почто не нужен?

— В поганую книгу записали тебя. На Ильинке шибко шумел. Нигде не возьмут.

И ещё 11 человек наших пришли в Кузнецк. Их тоже не берут: записаны в поганую книгу.

Стало нас 12. Что делать? Собрались мы, пошли в летучку на Израс. Поганный ключ разыскали, мелкий, шесть четвертей до почвы.

Только поробили, приезжают от мальцевской компании с ружьями и угоняют.

— Убирайтесь с левого берега Томи! Нельзя робить летучкой, тут места мальцевские!

Согнали. Что делать? Мы поехали на Бель-су. А нам навстречу — атамановские и протошные. Они слухом пользовались про ключ, захотели поробить с нами.

— Ребята, езжайте обратно. Согнали нас. И вам не дадут робить.

— Ни черта!

— Ну, смотрите.

Они приехали, коней повязали у балагана, ружья оставили в балагане, сами — скорей на ключ.

Мальцевские со стражниками тут ходили кругом. Держали караул. Ружья и коней позабрали у них, стали выгонять. Эти ребята кинулись к балагану — гужей нет, лошадей нет. Что делать? Выгоняют, говорят:

— Убьём!

И с пустыми руками, пешком в Подобас отправились. Вот тебе и поганый ключ.

Те ребята подходят:

— Ружья у нас отобрали, коней отняли!

— Мы же вам говорили!

Собрались человек тридцать. Едут стражники, отобранных коней ведут. С ними Хворов Иван Фёдорыч, мальцевский служащий, кузнецкий мещанин.

У одного протошного парня конь хорош был. На нём сидел стражник.

— Ребята, я стражника остановлю, сдёрну с коня.

— Ну, давай!

Стражник подъезжает. Тот парень вышел:

— Позвольте вам сказать...

Стражник остановился. Тот ухватил его, тащит из седла. Другие протошные подскочили, стащили его.

В остальных стражников — камнями бросать. Они в город побежали.

А я сижу на крыльце. И двое наших со мной.

Тот стражник уже избитый. Макушин и говорит:

— Дадим ему стакан, а то пропадёт.

Влили в глотку стакан вина — ничего, стал живой. Побежал в город пеший.

Потом атамановские — домой, протошные — домой. У них — дома хозяйство. А нам куда?

Стали думать. Тайга — наша, в тайге мы можем спастись. Надо в тайгу.

Тут следствие приехало. Сразу им на глаза попались Макушин да ещё один питерский. Того стражника следствие спросило:

— Кто тебя бил?

— А вот этот мне вино в рот лил!

Его и забрали, пожалел-то который.

Мы — в тайгу, тайга наша. Отправились на Тебу, на

Екатериновку. Опять летучкой робили. Страшно стало. Того и гляди стражники перестреляют. Пошли к Иваницкому на Усу. Не берёт.

— Вы записаны в поганой книге.

Ходим, ходим, муторно стало ходить. Приходим на Александровку. Один добрый человек сказал:

— Ребята, идите в Ненинку, там набор, возьмут, может. Рабочих надо шибко много.

Кое-как взяли на Девятый, на Мрассе. По контракту мера была сажень. Грунт подходящий, к обеду отрабливались. Начальству это неподходяще, они говорят:

— Теперь будет сажень с четвертью.

— Не примем! Вы зачем контракт писали?

— Отрабливаете рано!

Побились, побились, ничего сделать с нами не могут. Приехал какой-то от компании, собрал нас, говорит:

— Вы что же, такие-сякие!

А мы были народ дружный. Стоим на своём.

Приехал исправник. Ругается.

— Подлецы!

— Не будем робить! Замеряй, что следует по контракту.

Мы захотели отомстить. Вот он едет мимо разреза. Все зашумели:

— Тю! Тю!

И давай в него галькой кидать. Конь у него добрый, убежал он на этом коне, а то бы закидали.

Видят, что мы народ дружный, на стану не оставили, разогнали по разведкам.

Канзас мы разведали, Казаны — там голимо золото, на Чулеше много разведали.

Пять лет я был в разведках. Тут от мальцевской компании прииски перешли к минусинским купцам. Были купцы Борзов, Четыков и Кузьмин.

Мыкался, мыкался я по разведкам, житьё плохое. У этих купцов такое правило: сколько ни нарбил — двенадцать рублей в месяц вычету хозяевам. Плохо дело.

Нас уж осталось человек восемь. Держимся друг за друга.

Карбазинка стояла пустая, там ещё казна робила, бергалы робили, потом стояла пустая. Разыскали золото версты на 4 от Карбазинки, стали мыть. Земля ничья, стало быть наша.

Из деревень услышали. Мы говорим:

— Вот вам место, бейте здесь.

Много стало народу. У крестьян артель — восемнадцать человек, у нас восемь человек.

Купцы услышали, прислали своего человека. Вредный был, некто Моров, забыл уж, как звать его. В Шалыме встал на квартиру, разузнал всё.

Доложил хозяевам. Они подают прошение на Карбазинку, и она сразу отходит в ихнюю пользу.

В 1911 году в марте месяце приезжают от них стражник и двое служащих — сгонять нас с работы. И согнали прямо с работы. У татаришек деревенских разбили бутары, забрали тачки.

Мне говорят:

— Лапин, хозяева звали тебя на Чулеш.

— Ладно.

Приезжаю на Чулеш. Там у них контора.

— Ты что же, Лапин, набираешь людей, робишь на чужих речках? Недаром был в поганую книгу записан. Ещё раз попадёшься — смотри! Не жить тебе на свете!

А я был работник известный. Им охота, чтобы я робил на них.

— Иди лучше к нам!

— Двенадцать рублей вычета сбросьте — буду робить на вас.

— Ну, нет.

— А нет — дело ваше.

Повернулся, ушёл. Знакомый татарин меня увидел.

— Иди, Григорий, на Чугунаш. От бергальства осталось ничьё место. Мы там золото нашли.

Поехал я с ним на Чугунаш. Все наши — со мной. Намыли на восемь человек за один день 32 золотника. На другой день — 36 золотников.

Через неделю и оттуда согнали. Опять говорят мне:

— Лапин, поезжай на Чулеш.

Я поехал. Зло меня взяло. Ну, думаю, хозяева, я с вами посчитаюсь!

Ехал — ноги застудил. Какое уж тут считаться. Сел на парах, парить на пихте с солью. Два года сидел, парил.

Съездил кое-как на своей лошадёнке на Абакан на тёплый ключ. Лучше стало. Инженеры взяли меня съёмку делать. (Я мальцевскую тайгу прошёл, астащевскую тайгу, кузнецкую тайгу, — я всё знал). Поездил

с ними, приехал в Спасское, живу в своей избе, ноги лечу.

К семнадцатому году в Спасском шесть домов осталось. На Кичах нашли хорошее золото, на Казанах. Весь народ туда кинулся.

Приехали двое российских — Меркушов и Калинин. Они ссыльные были, питерские большевики. Как в России Керенского свергнули, так он, Меркушов, собрал всех на Кичах. Сделали красное знамя, пошли на Кауру. Шестнадцать человек их было. Сделали на Кауре рабочую власть, пошли на Спасское — их ещё больше. Приходят, зовут меня.

— Так и так, делаем рабочую власть. Ты грамотный?

— Малограмотный.

— Будешь стражника Иванилова описывать. Опишем, отберём у него всё оружие и имущество. Много он нашего брата поубивал!

Я и думаю:

— Отольётся вам, стражники и хозяева, поганая книга! Сам заведу на вас книгу!

Как сумел, так и сделал опись. Было у него семь коров, восьмой бык. Распределили по рабочим.

Время идёт, держим Иванилова под стражей. Повезли в Кузнецк, в Совет. А в Кузнецке уже переворот, белая власть. Чо с ним делать? Убить постеснялись, выпустили.

И вышло это так: себе на шею.

Все разбрелись по сторонам прятаться от белых. Тайга — наша! А мне далеко идти неохота, я уж отходил. Думаю: спрячусь тут, около Спасского. Один раз робил за амбарами. Цепью они встали по косогору.

— Где Лапин?

— Я Лапин.

— Иди к начальству отряда! Сколько бомб у тебя?

— Да я отродясь их не видывал.

— Как не видывал?

— Так не видывал.

— А где вещи Иванилова?

— В амбаре.

— Пойдём.

Повели в амбар. Ключи у меня были, я открыл. Стоит шкатулка, в ней ложки серебряные. Пересчитали. Все целы. Все вещи его целы.

Мне не велели отлучаться. Потом прислали за мной стражников, повезли в Кузнецк. Тех ребят, которые ходи-

ли с флагом, тоже забрали на Кичах. Ну, думаю, дело плохо.

Не доезжая, до Кузнецка, в Кузедеево, стражник встал со мной на квартиру. Хозяева баню истопили, зовут его париться. Он почесался, почесался, пошёл в баню. Я только остался один — сразу через городьбу да в яр. А в яру белый песок добывали. В яму залез, пролежал сутки. Ноги себе песком засыпал, голову засыпал — не видать.

Ночью вылез — в тайгу. Тайга — наша!

У кержаков на заимке хлеба выпросил. Целое лето в тайге скитался, всё равно как беглец Сорока. Был слух по заимкам: идут красные партизаны. И верно: пришли в Спасское. Тут я из тайги вышел.

Стали мы устанавливать Советскую власть в Спасском. Вот партизаны и говорят:

— Тебе быть председателем волисполкома.

— Я же малограмотный.

— Ничего, пришлю тебе секретаря. Только ты гляди за ним в оба.

И прислал крещёного татарина, попа. Длинный, ровно бастрок, косой. По фамилии — Доброхотов.

Вот и стали мы с ним дела править. У богатых поотобрали, чего они награбили. А их рабочие звали: царские племянники. Я ему и говорю:

— Ну, поп, записывай царских племянников в поганую книгу! Отошла коту масленица!

А теперь живу на покое, пенсию получаю. Сына убили на гражданской — до сих пор жаль, да зато внук школу кончает, будет шибко грамотный.

Ильинка, Израс, также упоминаемые ниже Чугунаш, Каура, Девятый на Мрассе и другие прииски принадлежали Мальцевской горнопромышленной компании, некоторые из них первоначально разрабатывались царским кабинетом и перешли к ней после реформы 1861 года. Эта компания капиталистов в конце XIX и начале XX века вела добычу золота по всему левому берегу Томи в пределах Кузнецкого Алтая и на левых притоках Томи.

Работать летучкой значило добывать золото тайком на землях, принадлежавших владельцам приисков, не заключая никаких контрактов, никому ничего не платя за право добычи и скрываясь при приближении всякого начальства. В летучку шли люди, не ужившиеся на хозяйских работах, нередко таким образом промышляли крестьяне.

Бель-Су — один из правых притоков Томи.

Атамановские и протошные — крестьяне из селений на Томи выше Кузнецка.

Иваницкий — крупный золотопромышленник, владевший приисками в северо-восточной части Кузнецкого Алтая.

Голимое — обнажённое, очевидное золото.

Бутары — бочкообразные приспособления для промывки горной породы, содержащей золото.

Бастрыг — жердь, которой притягивается и скрепляется сено на возу.

От кого, где и когда записаны предания и сказы

«Царю не покорился» — в 1953 г. от Степана Григорьевича Басалаева, 60 лет, рабочего совхоза, в г. Болотном, Новосибирской области. Предки С. Г. Басалаева были ямщиками на тракте.

«Сильнее коней» — в 1947 г. от Михаила Алексеевича Софронова, 63 лет, инвалида труда, пенсионера, в г. Куйбышеве (бывшем Каинске), Новосибирской области. М. А. Софронов занимался конным извозом по найму, его предки были ямщиками в деревне Мопнино — одной из станций на тракте, теперь представляющей собой часть города Куйбышева.

«Шибко удалый», «Дуга вязовая» и «Слега с людьми» — в 1947 г. от Александра Степановича Селиванова, 63 лет, рыбака, инвалида, занимавшегося конным извозом по найму, потомка ямщиков, в г. Куйбышеве.

«Тебя с возом утащу» — в 1947 г. от Василия Фёдоровича Смаклина, 76 лет, инвалида, потомка томских ямщиков, в г. Томске.

«Братья Денисовы», «Лугановские смолочуры», а также «Сошником вымерло», «Наборная уздечка» — в 1947 г. от Александра Калистратовича Денисова, 60 лет, кузнеца промартели в селе Богашёво, Томского района. Предки А. К. Денисова были кузнецами в деревне Анисимов, поблизости от Богашёво; отличаясь хорошей памятью и любознательностью, он запомнил немало местных преданий, нередко рассказывает их своим родным и знакомым. Овладев грамотой при советском строе, читает газеты и книги.

«Первый сыктин вывозчик» — в мае 1949 г. от Авдотьи Демьяновны Сибирякиной, 91 года, местной уроженки, в трактовом селе Клевенском, вблизи Томска.

«В прорубь головой», «Борода», «Кухтеринский выродок», «Суконная верёвка», также «Беднота не выдавала» (эпизод легенды о Лиханове), «Лиханов и старуха» — в 1947 г. от Михаила Григорьевича Курочкина, 56 лет, томского старожила, рабочего-металлиста, принимавшего большое участие в профсоюзной деятельности, пенсионера. М. Г. Курочкину приходилось бывать в ряде сёл вблизи Томска; он с интересом слушал и запоминал, кроме городских, также и сельские предания. Так он запомнил легенду села Воронопашино, озаглавленную нами «*Ворону конец*»; первый вариант данного предания записан с его слов, а второй вариант, полностью подтверждающий правильность изложения Курочкина и дополняющий его передачу в самом селе Воронопашино, в ноябре 1947 г. от местных уроженцев Карпа Тимофеевича Лыкова, 73 лет, колхозника Андрея Яковлевича Мишукова, 72 лет, сторожа детского дома.

«*Зверюга Митрофанов*» — в 1947 г. от Ильи Ивановича Хмелька, 57 лет, рабочего-возчика, томского уроженца, в Томске.

«*На Магистратской два дома...*» и «*На Обрубке Тихонов жил...*» — в 1947 г. от Екатерины Петровны Бабановой, 70 лет, вдовы ямщика, работавшего по найму, в Томске. Е. П. Бабанова знает также многие старинные песни, лирические и обрядовые.

«*На костях богател*» и «*Загубленная девушка*» — в 1947 г. от Василия Захаровича Марченко, 88 лет, пенсионера, в прошлом рабочего-портного. Рассказчик был сослан из Харьковской губернии в Каинск после тюремного заключения за распространение революционных листовок в 90-х годах.

«*У губернатора*» — в 1947 г. от Сергея Семёновича Иванова, 47 лет, уроженца села Батурино, Томского района, рабочего в Томске. С. С. Иванов слышал легенду от своего зятя Антона Алексеевича Лузина в Батурино, лет двадцать тому назад. Другие эпизоды легенды о Лиханове записаны также в ноябре 1947 г.: «*Ребятишек награждал*» — от Константина Игнатьевича Балтовского, 60 лет, рабочего промартели в с. Богашёво, «*На лошадёнку, на коровёнку*» — от Петра Савельича Шевелёва, 74 лет, колхозника, в с. Богашёво, «*Лихановский конь*» — от Федосьи Алексеевны Шевелёвой, 66 лет, там же.

«*Обманули*» — от Павла Павловича Смакотина, 65 лет, уроженца деревни Смакотинной, Томского района, в Томске. Предки всех названных выше рассказчиков занимались ямским промыслом.

«*Всем миром*» — в 1950 г. от Марфы Кузьминичны Истоминой, 70 лет, уроженки села Колывань, местной общественницы, активистки сельского совета, в с. Колывань, Новосибирской области.

«*Станового прогнали*» — в 1953 г. от Василия Агафоновича Афанасьева, 60 лет, уроженца деревни Чёрной, рабочего, в г. Болотном, Новосибирской области.

Тексты, включённые в раздел *«Женская доля»* — от Елены Петровны Николаевой (Миколаихи, как её называют местные старожилы), 50 лет, вдовы одного из руководителей колхозного движения, погибшего на фронте в 1943 г., в селе Венгерovo, Новосибирской области. От этой же рассказчицы записаны тексты *«Партизанская семья»*, *«Вышла за детину»* — в разделе *«Начало новой жизни»* и *«Батраков топили»* — в разделе *«Про богачей-душегубов»*. Все они имеют устно-мемуарный характер, представляя собой различные эпизоды из воспоминаний о пережитом самой рассказчицей. Записи рассказов Е. П. Николаевой мною производились дважды: в августе 1949 г. и в сентябре 1952 г. Первоначально она сообщила только отдельные моменты, а во второй беседе припомнила ряд других эпизодов (*«В няньках»*), дополнила многими подробностями, яркими и красочными, то, что относится к периоду гражданской войны (*«Партизанская семья»*) и к жизни в двадцатых годах.

Е. П. Николаева научилась грамоте при советском строе, читала книги, причём особенное впечатление на неё производят произведения А. М. Горького, но не делала никаких попыток записывать свои воспоминания. Ей свойственно не писать, а сказывать. Она знает много бытовых и волшебных сказок, кроме того, любит и умеет петь как современные, так и старые лирические песни. В молодости импровизировала частушки; некоторые из них она ввела в текст своего прозаического повествования. Рассказывать о прошлом вызвалась по собственной инициативе: такое желание у неё возникло уже давно; *«хотелось, чтобы все узнали про мою жизнь»* — говорит она.

«Пётр Боровских и посёлок Боровской» — в 1953 г. от Ивана Николаевича Шелковникова, 60 лет, уроженца Чебулы, в г. Болотном, Новосибирской области, И. Н. Шелковников, крестьянин-бедняк, участник революционных событий, стал с 1919 года инвалидом, работал в колхозе, теперь живёт у своего сына, помощника машиниста на станции Болотное. Сказ Шелковникова тогда же дополнила Евлампия Петровна Чижова, 58 лет, местная уроженка, муж которой участвовал в революционном движении железнодорожников.

«Почему село Спасское стало называться Венгеровым» — в августе 1949 года от Василия Никитича Моисеева, 62 лет, колхозника, в прошлом — работника местных купцов. Тогда же записан и текст *«Ещё о Михаиле Венгерове»* — от Ивана Васильевича Морозова, 56 лет, парикмахера в селе Венгерovo, местного уроженца, из бедных крестьян.

«Иванова сопка» — в 1937 г. от Анны Андреевны Березиковой, 58 лет, колхозницы, в селе Локтевском, Алтайского края. Предки А. А. Березиковой были крепостными рабочими на Локтевском заводе.

«Супротивцы» — в 1938 г. от Петра Панкратьевича Корчуганова, 61 г., пенсионера, потомственного горнорабочего, в г. Лениногорске, Восточно-Казахстанской области.

«Окаянный Николаевский строй», «Людей пожалел» (эпизод легенды о Кривоцуцком) — в 1938 г. от Родиона Федотовича Мягих, 65 лет, колхозника, из бергалов, в селе Белоусовском, Восточно-Казахстанской области.

«Как везли камень царю» и «За отца» (эпизод легенды о братьях Белоусовых) — в 1937 г. от Флегонта Андриановича Ивачёва, 80 лет, потомственного камнетёса, в селе Горная Колывань, Алтайского края. Другой эпизод легенды о Белоусовых — *«Змей убивали и в управителей стреляли»* — тогда же, там же, от Феоктиста Васильевича Хмелёва, 78 лет, потомственного мастерового.

«Не чуял боли» — в 1938 г. от Василия Степановича Калачёва, 72 лет, пенсионера, потомственного рудокопа, в г. Лениногорске.

«Бунты на Тайлах» — в 1938 г. от Андрея Евстафьевича Колокольцева, 70 лет, потомственного горнорабочего, в посёлке Чёртов лог, неподалёку от села Егорьевского, Новосибирской области. От

этого рассказчика и другие тексты: *«Быд Марья — была и слава», «Мучитель Фрезе».*

«Батя Олень» — в 1938 г. от Ивана Платоновича Конева, 76 лет, потомственного горняка, в селе Урском, Гурьевского района, Кемеровской области.

«Старушка и пристав» — в 1938 г. от Ефима Павловича Огорелкова, 66 лет, потомственного рабочего Егорьевских приисков, колхозника в селе Егорьевском, Новосибирской области.

«Архирейские тысячи» — в 1938 г. от Николая Гурьяновича Гаркунова, 58 лет, потомственного кузнеца, в с. Белоусовском, на Южном Алтае.

«Огни и воды не держали» — в 1937 г. от Натальи Карповны Резиной, 77 лет, колхозницы, в с. Локтевском. Отец и брат Н. К. Резиной были рабочими локтевского завода.

«Поминай добром» — в 1937 г. от Сергея Андреевича Колмагорова, 79 лет, колхозника, бывшего рудовоза, в с. Локтевском.

«Ребятам помог, а сам погиб» — в 1937 г. от Алексея Кузьмича Петрова, 68 лет, потомственного рабочего локтевского завода, затем — колхозника, в с. Локтевском.

«Наварено и напечёно» — в 1937 г. от Афанасия Николаевича Кузеванова, 73 лет, из потомственных рабочих, колхозника в с. Локтевском.

«Скрылся, пропал» — в 1937 г. от Василия Михайловича Шестакова, 80 лет, потомственного горняка, пенсионера, в Салаире, Кемеровской области.

«Шёл за свободу» — в 1937 г. от Ивана Васильевича Черемных, 74 лет, потомственного салаирского рабочего, участника партизанского движения 1918—1919 гг., инвалида, в Салаире.

«Деньги на трубе» — в 1937 г. от Аграфены Александровны Путинцевой, 74 лет, жены потомственного мастерового Гурьевского завода, в г. Гурьевске, Кемеровской области.

«Копил для бедных» — в 1937 г. от Исаака Васильевича Кокорина, 79 лет, колхозника, из потомственных рабочих Гавриловского завода, в селе Гавриловском, Кемеровской области.

«Про Каболдаиху» — в 1939 г. от Василия Захаровича Каболдаева, 87 лет, старого прискателя, в селе Спасском, Кемеровской области.

«Поганая книга и царские племянники» — в 1938 г. от Александра Григорьевича Лапина, 81 года, потомственного рабочего Кузнецких приисков, в селе Спасском.

При подготовке преданий и сказов старых горнорабочих к настоящему изданию из общего количества записей, публиковавшихся ранее, отобраны наиболее ясные, чёткие и выразительные тексты. Несколько заголовков отдельных сказов заменены новыми, более ясно выражающими смысл сказов. Из легенды о братьях Белоусовых удалены эпизоды, не имеющие отношения к этим персонажам. Эпизод бытового характера, не имеющий отношения к основной теме, удалён также из сказа «Окаянный николаевский строй». Значение прозвищ ряда персонажей и некоторых слов, употребляемых рассказчиками, заново раскрыто в примечаниях.

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие собирателя	3
Предания и сказы ямщиков Сибирского тракта	
Царю не покорился	8
Сильнее коней	9
Только пальцем шевельнул	9
Шибко удалый	10
Дуга вязовая	11
Взял своё	11
Слега с людьми	12
Тебя с возом утащу	12
<i>Зачинатели промыслов и ремёсел</i>	13
Кузнецы Денисовы	13
Лучановские смолокуры	14
Первый сеятель пшеницы	15
<i>Про богачей душегубов</i>	16
В прорубь головой	16
Борода	17
Кухтеринский выродок	17
Зверюга Митрофанов	18
Суконная верёвка	19
На костях богател	20
Загубленная девушка	21
Батраков топили	21
<i>Мишение бедняков богатым</i>	23
Ворону конец	23
Зануздали	24
<i>Легенда о Лиханове</i>	24
Из сиротства	25
Наборная уздечка	25
У губернатора	26

Ребятишек награждал	26
На лошаде́нку, на корове́нку	27
Беднота не выдавала	28
Лиханов и старуха	29
Лихановский конь	29
Сошниковы панцыри	30
Обманули	30
Всем миром	31
Станового прогнали	31
<i>Женская доля</i>	32
Маракуй	33
В няньках	35
Гребёнка	39
<i>Начало новой жизни</i>	42
Пётр Боровских и посёлок Боровской	43
Почему село Спасское стало называться Венгеровым	46
Ещё о Михаиле Венгерове	48
Партизанская семья	50
Вышла за детину	54
Пуховы волоски	57
Горбач зацвёл	58
Предания и сказы старых горнорабочих	
<i>В царской вотчине</i>	64
Иванова сопка	64
Супротивцы	65
Окаянный николаевский строй	66
Как везли камень царю	70
Не чуял боли	71
Бунты на Тайлах	71
Батя Олень	73
Был Марья — была и слава	76
Мучитель Фрезе	77
Старушка и пристав	78
<i>Легенда о беглеце Криволицком</i>	78
Архирейские тысячи	78
Людей пожалел	80
Огни и воды не держали.	81
Поминай добром	81
Наварено и напечёно	82
Ребятам помог, а сам погиб	83
<i>Легенда о братьях Белоусовых</i>	84
За отца	84
Змей убивали и в управителей стреляли	85
<i>Легенда о беглеце Сороке</i>	89
Скрылся, пропал	89
Шёл за свободу	89

Деньги на трубе	90
Копил для бедных	91
<i>На хозяйских приискаx</i>	92
Про Каболдаиху	92
Поганая книга и царские племянники	94
<i>От кого, где и когда записаны предания и сказы</i>	101

М и с ю р ё в Александр Александрович. Предания и сказы
Западной Сибири.

Редактор *Е. С. Шарнина*. Художественный редактор *И. Л. Марголин*.
Технический редактор *В. М. Лисина*. Корректор *О. Д. Соколова*.

Сдано в набор 17 мая 1954 г. Подписан к печати 14 июля 1954 г. Формат
84×108/32=1,687 бум. л.—5,535 печ. л. Изд. л. 5,8. Тираж 15000. МН 19764.

Новосибирское книжное издательство. Красный проспект, 18. Заказ № 78.
Типография № 1 Полиграфиздата, г. Новосибирск, Красный проспект, 20.
Цена 2 р. 75 к.

0

Цена 2 р. 75 к.